

Павел Чук

Первый среди равных.

Через смерть

12+

Первый среди равных

Павел Чук

**Первый среди
равных. Через смерть**

«Автор»

2021

Чук П.

Первый среди равных. Через смерть / П. Чук — «Автор»,
2021 — (Первый среди равных)

Не прошло и года, как Валентин оказался на чужой планете, но героические подвиги оказались замечены Императором. Не желая оставаться при дворе и участвовать в дворцовых интригах, он вновь направляется на фронт. В оформлении обложки использована работа, находящаяся в общественном достоянии, русского художника 19 века А.Д. Кившенко "Штурм Горгохатанских высот" 1 января 1878 года.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Чук

Первый среди равных. Через смерть

Глава 1

Никогда не думал, что добираться каких-то тысячу вёрст будет так нелегко. Даже путешествие с пленённым генералом выдалось не таким тяжёлым, а тут, один, пусть и с поклажей, но ехал, делая частые остановки на станциях, меняя лошадей и пережидая непогоду, целый месяц,

– Лейтенант Мирони прибыл для продолжения службы, – первым, что сделал по прибытию, представился генералу Тонатусу. Я толком не знал, что в моём, подписанным лично Императором предписании, но лелеял надежду, что не оставят где-нибудь при штабе каким-нибудь посыльным.

– Проходи, лейтенант. Я редко лично принимаю прибывших офицеров низшего звена, но до меня дошли слухи, что вы прибыли из столицы. Так что, не стесняйтесь, присаживайтесь. Как там живётся в Тиносванне? Как здоровье Императора? А то до нас доходили слухи о его болезни.

– Слухи не совсем верны, – ответил, усаживаясь напротив убелённого сединами генерала, – Его Величество Странис Первый действительно был болен, но на большом приёме выглядел хоть и уставшим, но вполне здоровым. Держался уверенно и следов болезни я не заметил.

– Ах, да! Большой приём. Из моих частей также отправлялись отличившиеся, но они до сих пор не вернулись. Ладно, – генерал распечатал конверт с предписанием и углубился в чтение. Разобрать на его лице эмоции оказалось задачей невыполнимой. Но он несколько раз отрывался от чтения, бросал взгляд на меня. Я уже забеспокоился, что ж такого указано в предписании, что опытный, выдавший виды генерал так задумчив.

– Значит, отличились на юге Империи и при личной встрече с Императором изъявили желание служить на самом опасном направлении, кое считается оборона северных подступов к столице...

Отвечать: «Так точно!» или как-то выказывать своё рвение посчитал излишним. Не думаю, что генерал оценит такое рвение, а тем временем Тонатус продолжал:

– Служили простым гвардейцем и за очень, даже слишком короткий промежуток времени стали лейтенантом. Офицер, вы думаете, я позволю вам командовать людьми, отдам в ваше подчинение полсотни или сотню человек? Что молчите? Я-то думал, в часть прибыло пополнение, опытный, пусть и молодой офицер, но...

– Господин генерал, вы судите только по тому, что написано?

– Я делаю вывод, что больше чем десятком, пусть и гвардейцев вы не командовали, опыта руководства у вас фактически нет! А ваши личные заслуги, пусть и героические это не то, что требуется офицеру! Хорошо, что знакомы с грамотой, а тактику, стратегию, опыт анализа обстановки и принятия решения в экстренной ситуации у вас есть? Просто карту читать вы умеете?!

– Карту читаю, – ответил спокойно. Генерал попался боевой и не солдафон какой, а с опытом принятия стратегических решений и способный отстоять свою точку зрения не только перед офицерами, но и не исключая, что пред самим Императором. Не зря его поставили на одно из самых трудных направлений. – Опыт анализа обстановки и принятия тактически верных решений также имеется, что подтверждается боевой наградой, полученной при освобождении станицы Прочноокск.

– Про станицу что-то слышал. Но там командовал капитан Нетрис.

– Капитан Нетрис попал в засаду и только предложенные мной действия помогли одержать победу.

– От скромности не умрёшь. Ладно, пойдём, проверим, так ли всё верно рассказываешь, – ухмыльнулся генерал, вставая с места.

Проследовал за ним в соседний кабинет, где на столе, размерами больше похожий на бильярдный, лежала карта.

– Изучай. Через час жду предложений по развитию кампании. Вариантам действий противника, наших контрмер, а также примерный план наступления, – заявил генерал и в бодром расположении духа удалился.

«Вот так сразу, подай план наступления. Я что, клоуном здесь устроился на полставки?! Сейчас приведёт своих офицеров со штаба и начнёт глумиться, развлечений-то мало», – мысленно ругался, рассматривая подробную карту дислокации боевых частей. Сразу бросилась в глаза протяжённость линии обороны, что в будущем могло привести к серьёзным проблемам. В текущей войне мобильность как таковая отсутствовала. Части до места сражения добирались неделями, если не дольше. Но плотность войск на участке была одинакова, что со стороны сенарцев примерно полмиллиона человек, что со стороны канторийцев. Если учесть, что концентрация войск на участке наступления всегда превышает примерную численность обороняющихся, то противоречивые выводы напрашивались сами.

Я с разных сторон рассматривал добротню изготовленную карту с нанесёнными на ней обозначениями. Ставя себя то на место командующего сенарской армии, то на место генерала. Некоторые условные знаки мне были чужды и незнакомы, и я их не понимал, но опыт теоретических занятий, полученный за годы службы в армии, пригодился. Но мой опыт строился на ведении другой войны, с другим темпом развития событий, с применением артиллерии, авиации, мобильных частей прорыва, но и с учётом местных условий ведения боевых действий, смоделированная в моём сознании общая картина, меня не радовала.

В том, что генерал вернётся не один, я оказался прав. После отведённого времени в помещение, громко разговаривая, вошли четверо: генерал, два полковника и капитан, видимо адъютант. Именно последний нёс с собой небольшой поднос, который установил на приставной столик и удалился.

– Вольно, лейтенант! – добродушно скомандовал генерал, видя, как я при их появлении вытянулся во фронт.

– Господа офицеры, представляю вам прибывшего из самой столицы, удостоенного чести аудиенции с Императором нашим Странисом Первым, да продлятся его дни, лейтенант Мирони собственной персоны. Два месяца назад, герой, был простым гвардейцем, а сейчас офицер и как думаю, предложит нам с вами, уважаемые, план предстоящей летней кампании.

Ни смешков, ни даже улыбок со стороны сопровождавших офицеров не последовало. Видимо ожидавший другой реакции генерал недовольно продолжил:

– Что ж, лейтенант. Раскрой нам коварный план сенарцев и просвети, что нам делать, как выиграть войну.

– Войну можно выиграть, не дожидаясь летней кампании, – с серьёзным видом заговорил. То, что я собирался сказать, то к чему додумался, изучая дислокацию вражеских войск, их численный состав, возможные направления удара, выходило за рамки существующей теории ведения боевых действий. Впрочем, я не был силен в современной тактике и стратегии войны, а опирался на многолетний опыт военных кампаний моей родины – планеты Земля.

– Даже так? – оживился один из полковников, – я думал, что почтенный генерал изволил шутить, приглашая нас с полковником присутствовать на докладе младшего офицера о плане обороны, но сказанное сейчас меня удивило. Выходит, ни на местах, ни в Генеральном

штабе, не знают, как закончить войну в этом году, а молодой офицер знает. Вы из какой семьи, лейтенант? Где обучались, где проходили службу?

– Он простолюдин, – за меня ответил генерал.

– Господа офицеры, не думал, что достойно дворянину делать вывод о том, о чём ещё не знаете, – привёл последний аргумент. Не думал, что сословный критерий так силён в армии. В бытность гвардейцем под командованием полковника Мигнеса, не замечал такого рвения о чистоте рядов. Среди офицеров у него в подчинении были и дворяне, но и немало безродных, доказавших делами свою полезность для армии Империи.

– Что ж, господа офицеры, – после небольшой паузы произнёс генерал, – молодой человек верно заметил, не гоже нам, дворянам, забывать о чести. Давайте выслушаем лейтенанта, обсудим его дельные предложения, если такие последуют, и потом сделаем вывод. Со своей стороны лейтенант, знай, в эту минуту решается твоя карьера. Кстати, забыл представить начальника штаба полковника Саварсиса и командира второй армии полковника Генйinsa. Они вместе со мной выступят экспертами твоих предложений. Думаю, нет необходимости говорить, что в случае твоего провала, лейтенант, вы обязаны подать прошение о переводе в другую часть. Поверь, оно будет немедленно рассмотрено и дано положительное заключение.

В ответ я только кивнул, соглашаясь. Я-то думал, предложит застрелиться, или одного отправит на самый опасный участок обороны, а тут всего-то подать рапорт о переводе. Всё-таки дворяне они есть дворяне. Лучшее образование, несколько иные моральные принципы, нет нужды каждый день думать о пропитании своей семьи, отсутствует каждодневный тяжёлый физический труд, и больше времени уделяешь не борьбе за выживание, а самой жизни. Странно только, что приставка «энц» не упоминается при нахождении дворянина на воинской службе, а обращаются упрощённо, по званию. Но среди офицеров большая часть дворян и понятно, почему так отнёсся ко мне генерал. Выскочек нигде не любят.

– Разрешите? – спросил, выдержав паузу.

Генерал кивнул и я, набравшись смелости, продолжил:

– Господа офицеры, если позволите, начну без предисловий.

– Что ж начни.

– Генерал, позволь лейтенанту высказаться, – впервые заговорил командующий армией, – как понимаю, это именно тот гвардеец, что взял в плен генерала Фок Генса. Мои доверенные лица писали об этом случае, и будет интересно услышать новое мнение по поводу разворачивающейся компании...

– Полковник, не думаете ли вы...

– Генерал Тонатус, мы знакомы очень давно и давайте не будем выяснять отношения в присутствии младшего офицера. Продолжайте, лейтенант.

Генерал раздражённо прошёлся по комнате, подошёл к невысокому столику, где адъютант поставил поднос, налил себе рюмку, залпом выпил, закусил, а я продолжал ждать, пока спадёт напряжение. Видимо не всё так гладко в их отношениях.

– Начинай, лейтенант, – генерал вернулся к карте.

– С обеих сторон на указанном участке фронта сосредоточено примерно одинаковое количество солдат, – генерал хотел что-то сказать, видимо нечто вроде: «Это и так понятно», но сдержался, а я продолжал, – летняя кампания выдалась тяжёлой, и противник на сотни километров углубился в территорию Империи. Какие населённые пункты заняты говорить излишне, они помечены синим на карте. Отмечу, что Сенарская Империя имеет границу с Канторийской Империей только на небольшом участке и протяжённость сухопутной границы всего двести километров...

– К чему такие подробности, лейтенант? – не выдержал начальник штаба.

– Я стараюсь подвести к главному. Снабжение армии агрессора производится за счёт морского снабжения, через два захваченных порта. И как понимаю, сейчас они непригодны к использованию, вода замёрзла и судоходство невозможно.

– Это верно. По нашим данным последний корабль прибыл неделю назад и то пробился через льды с большим трудом. Но за летнее время прибыло не менее трёх сотен судов с фуражом, продовольствием и прочим. Так что, к сожалению, недостатка в провизии у них не будет.

– Такой объём запасов необходимо хранить и вовремя развезти по растянувшимся в длинную линию частям, – продолжал я, – лучшее место для хранения и последующего распределения – это ближайший к порту Тоссина населённый пункт станица Лисовна.

– Предположим, – согласился полковник Саварсис.

– Как думаете, что предпримет враг, если его склады окажутся пусты? Замечу, противник находится на враждебной, практически изолированной территории и ждать возобновления поставок придётся очень долго.

– Будет брать силой.

– И сколько нужно продовольствия для пропитания и поддержания нормального боевого духа полумиллионной армии? – спросил, надеясь услышать ответ.

– Не знаю, на это лучше ответит мой заместитель по тылу, – пожал плечами генерал.

«О, как! Генерал не знает, сколько нужно армии для того, чтобы прожить хотя бы неделю. С одной стороны это хорошо, значит, нет недостатка, но всё же».

– Лейтенант, что без продовольствия армия не просуществует и нескольких недель, понятно, но к чему говорить прописные истины?

– Господин полковник, позвольте перейти к основной части предложения.

– А это была не основная? – удивился генерал, – я абсолютно согласен с полковником Генинса, без защищённого тыла армия потеряет боеспособность за несколько недель, но что вы конкретно предлагаете?

– Прошу обратить внимание на рельеф местности.

– Что тут не так? Леса, степи, леса, реки. Ничего необычного, пустынь с оазисами в нашей полосе нет, – ухмыльнулся генерал.

– А через реки на карте обозначены мосты, по которым и идёт снабжение. Замечу, что всего два моста связывают армию сенарцев с тыловыми частями.

– Вы хотите отбить и удерживать мосты? – удивлённо спросил полковник Генинса, – но до них по занятой врагом территории несколько недель пути и сил удерживать этот стратегический объект у нас не будет. Тем более, не думаю, что сенарцы настолько глупы, что оставили их без соответствующей охраны.

– Я не предлагаю их захватывать и удерживать, я предлагаю их разрушить. Пусть сейчас зима, но по льду переправить достаточное количество продовольствия невероятно сложная задача, – тут мне вспомнилась блокада Ленинграда, сколько трудов, новых инженерных решений и героизма стоило наладить снабжение непокорённого города, – нарушение снабжения хотя бы на месяц, думаю, приведёт к нужному результату.

– И какой результат считаете достижим?

– Удачным итогом предлагаемой операции считаю сдачу противника.

– Вы фантазёр лейтенант! – рассмеялся генерал, – чтобы армия сдалась, надо её победить, разбить, чтобы она не смогла вести боевые действия! На крайний случай рассеять, раздробив на малые отряды, лишив единого руководства. А вы предлагаете морить голодом!!!

Я стоял молча. Видимо не нашёл тех слов, какие нужны, не донёс то, что хотел предложить. В зимнее время активная военная кампания не ведётся, все ждут начала лета. Понятно, погода вносит коррективы, но почему не провести ряд диверсий, не давая противнику отдыха. Добраться до станицы Лисовна, где по моим предположениям находятся склады всей многотысячной армии задача трудная, практически невыполнимая, но нарушить снабжение... Не

думаю, что на местах имеется хотя бы недельный запас продовольствия. А местных жителей не так много, даже отобрав всё, не хватит, чтобы прокормить и десятую часть армии. Когда обдумывал, изучая карту, почему-то вспомнилась Отечественная война девятнадцатого века. Я не знаток военной истории, все знания получены из книг и фильмов, но видя расположение войск их растянутость, зияющие бреши в тылу, где можно спрятать, если не корпус, то боеспособную роту, почему этим не воспользоваться?

К разговору офицеров не прислушивался, тем более, не обращая на меня, они спорили, укоряя один другого в нерадивом отношении к повелению Императора и делу Империи. Я подошёл к письменному столу, взял бумагу и принялся писать прошение... нет, не о переводе, а об отставке, надеясь, что за былые заслуги не загонят куда-нибудь в местную Сибирь.

– Лейтенант! – когда уже ставил подпись под текстом, меня окликнул полковник Генинса, – подойдите!

Я подошёл и протянул генералу исписанный корявым почерком развёрнутый лист. Тот его взял и протянул полковнику. Бегло пробежав глазами, полковник его разорвал.

– Лейтенант Мирони, вы поступаете в моё личное распоряжение. Я как раз планировал сформировать гвардейскую роту. Возьмёте её под своё командование, а ваше предложение мы ещё обсудим. Всё верно, генерал?

– Верно. У тебя месяц, полковник.

Следуя по коридору за полковником, меня одолевало спросить, на что дал генерал месяц.

– Что-то не так? Ты не рад, что остался служить? – спросил, оборачиваясь ко мне офицер. На его лице читал раздражение, недовольство, но не по отношению к себе, а даже непонятно, к кому направленное. Эх, зря не прислушивался к разговору офицеров. Они ж меня обсуждали, мою судьбу, а я... опустив руки, сдался.

– Разрешите вопрос, господин полковник?

– Не разрешаю. Знаю, что хочешь спросить. Так слушай. С генералом у нас давняя... дружба. Из-за чего и почему, знать тебе не надо. Но я его уважаю, как командира и он прислушивается к моему мнению. В твоём предложении есть разумное зерно, но я пока не знаю, как это всё реализовать. Под твоё командование переходит рота из двухсот солдат. Они не гвардейцы, так что выбирай тех, с кем сможешь повернуть свой план. А детали мы обсудим и вместе выберем верное решение.

– Как понял, срок месяц?

– Верно. У тебя месяц.

Глава 2

Подготовка переданных мне в подчинение солдат оказалась, мягко сказать, слабая, но отказываться от поставленной задачи – это признать поражение и подвести поверившего мне полковника. Изобретать велосипед не стал, тем более, отбор в гвардию отработан. Из показавших лучшие результаты прохождения испытания сформировал отдельное подразделение в полсотни солдат. Особый упор в отборе делал не на физическую подготовку, она, как ни странно, соответствовала уровню, а способности мыслить и принимать решения самостоятельно. С этим и оказались проблемы. Абсолютное большинство не умело ни читать, ни писать, не говоря об элементарных знаниях математики. Пришлось организовать обучение, уделяя каждый день два часа на изучение базовых знаний начальной школы.

Видя, как я днём со своими солдатами тренируюсь на специально сооружённой полосе препятствий, а вечерами обучаю, другие офицеры смотрели на меня косо. Примерно через неделю таких занятий к себе вызвал полковник:

– Лейтенант, на тебя поступили жалобы. Почему нарушаешь распорядок, чем занимаешься с солдатами? Или Устав не знаешь?!

– Господин полковник, с Уставом знаком, могу процитировать любое положение, начиная с любого места, но разрешите объяснить мои действия. Предстоит тяжёлый рейд в тылу противника, к этому я и готовлю тех, кого отобрал. Их оказалось не слишком много, всего пятьдесят человек. Но и среди них всего четверть умеют читать и писать, а для выполнения поставленной задачи мне нужны грамотные люди. Не только для того, чтобы сосчитать противника, но и те, кто в состоянии кратко сформулировать свою мысль, записать её и передать с посыльным. От быстроты и полноты полученных сведений может зависеть жизнь многих людей.

– С этим понятно. Не возражаю. Но по какой причине ты вытребовал у интенданта весь имеющийся на хранении запас офицерского постельного белья?! – неподдельно возмутился полковник.

– Для воплощения военной хитрости. Если позволите, представлю через день, пока не в полной мере всё готово, – торопиться и объяснять офицеру, что из десятков простынь и пододеяльников сейчас мои солдаты шьют подобие маскхалатов, на словах объяснять не стал. Пусть сам увидит эффект от их использования. К сожалению, различие в зимней и летней форме одежды было условным. Что и летом, что и зимой солдат имел при себе тёплую верхнюю одежду: что-то вроде длинного плаща, в который укутывался в тёмное время суток, и носил постоянно в зимнее время. Шинелью это чудо местной моды назвать я побоялся. Слишком тонкое, неудобное, но меня пугала расцветка: ярко красные вставки на месте пуговиц и иссиня-чёрный основной цвет. Как думаете, на сколько сотен метров виден такой боец, стоя среди сугробов?

– Ладно. Этот вопрос посмотрим завтра, но почему до сих пор не назначил младших командиров, или офицер должен заниматься всем, в том числе следить за приготовлением пищи?!

Вот этот вопрос поставил меня в тупик. Я действительно забыл, что не обязательно делать всё самому, личным примером показывая солдатам, вплоть до правил обращения с иголкой и нитками, но замотался.

– Виноват, – вытянулся во фронт, – завтра представлю младших командиров.

– Мне они не нужны, не по рангу. А вот вместо того, чтобы самому бегать по расположению, пусть подчинённые исполняют приказы. На офицере – контроль исполнения. Сам же хвалился, что Устав наизусть помнишь. Ладно, не тушуйся. Понимаю, молодо-зелено. Но на буду-

щее: нельзя объять необъятное. Если всё на себе замкнёшь, то в трудную минуту, во время боя это приведёт к неразберихе. Доложи штатную численность младшего сержантского состава!

– Два лейб-сержанта, один лейб-капрал и ординарец, – выпалил, прикидывая численность.

– Что-то мало. У тебя ж подчинении более двухсот человек.

– Извините, полковник, но я привёл положенную численность согласно отобранных для выполнения задания.

– Так ты полусотней хочешь выполнить свой безумный план?! Лейтенант, угробишь не только себя, но и всех.

– Никак нет! Те, кто остались, стоят один если не трёх, то двух точно.

– Остальные? Они в твоём подчинении, что с ними?

– Им нужно больше времени и занимаются по отдельному, более шадящему плану занятий.

– Понятно. Но и у них назначь сержантов.

– У этой группы сержантский состав укомплектован, – отрапортовал, надеясь, что полковник не спросит, почему так. Ведь оказалось, что ни один сержант не прошёл испытание. И менять подчинённость не стал, оставив их командирами на своих же местах, только теперь командиров стало больше, чем подчинённых. Но эта задача решаема. Своими правами могу, как возвести в сержантский чин, так и разжаловать, но начинать командование вверенной ротой с террора не стал.

– Это хорошо. Вот, там не забыл, а тут, забыл, понимаешь! – довольно хмыкнул Генинса. – Я тут посоветовался со своими офицерами, – вдруг перешёл на серьёзный тон полковник, – предложенный тобой план они не одобряют. Через три дня соберу штаб армии, тебе придётся привести неопровержимые аргументы в его защиту. Всё, занимайся по распоряжку.

От полковника вышел задумчивый, что столкнулся на ступеньках с кем-то из офицеров. Тот что-то буркнул неразборчивое и проследовал дальше. Я даже извиниться не успел. А задуматься было от чего. Завтра предстояло показать использование маскхалатов, с этим проблем не видел. Думаю, полковник поддержит, но защита плана операции меня пугала. Не знал я местных реалий и знаний о текущем положении дел не хватало. Только мои предположения и обрывки исторических сведений, произошедших на Земле. Но местные реалии другие. Здешняя цивилизация сильно отличалась от земной. И отличия были кардинальные. Что первое бросилось в глаза – отсутствие религии, хотя, по всем канонам она должна была зародиться ещё десяток веков назад, но этого не произошло. Но самое интригующее, что всей цивилизации было от силы пару тысяч местных лет. Это ж какой скачок сделали аборигены за эти годы? К сожалению, узнать подробности, исторические сведения удавалось только из разрозненных источников. Но книги – хранители знаний, тут не сжигали, Не было таких периодов. Не было крестовых походов. Много чего не было, а был только прогресс. Медленный, но верный. Такими темпами, через всего одно – два поколения и двигатель внутреннего сгорания появится, ракетный двигатель...

Представление маскхалата прошло буднично. Я старался, готовил, инструктировал отобранных солдат, а полковник искал глазами в указанном направлении, отправил проверить ординарца: не обманывают ли его, что там кто находится и удовлетворённый, что с сотни шагов никого не заметил, удалился.

– Построиться! – для демонстрации отобрал десяток человек и сейчас они стояли передо мной. Из них я и хотел назначить сержантский состав, но никак не решался сделать выбор. Кого-то выделять из общей массы было ещё рано. Кто чуть опытнее, кто отважнее, но явного лидера среди этой полусотни я не выявил. Желание назначить лейб-капралом именно имеющего авторитет среди солдат, чтобы неформальный лидер совпадал с официальным, исходило из личного опыта. Это конечно идеальная ситуация, но если есть возможность, почему

не попробовать. Может я не на то обращал внимание, но выбор предстояло делать сейчас, а варианта у меня не было. Я прохаживался перед строем, всматриваясь в лица.

– Господин лейтенант, разрешите вопрос, – подал голос один из стоявших в строю. Я несколько раз возле него останавливался, смотря в глаза. Он не отводил взгляда, но среди всех он самый молодой и прибыл из числа последнего пополнения, всего месяц назад. Исполнительный, физически развит, читать и немного писать умеет. Но его кандидатуру на место фактически моего заместителя я не рассматривал из-за возраста.

– Представься и говори, – всех имён я не успел запомнить, хотя пытался.

– Солдат Заскин.

– Не солдат, а гвардеец, – кто-то тихо в строю поправил. Я мельком глянул на стоявшего во второй шеренге бойца.

– Да, гвардеец Заскин, господин лейтенант. Когда уходил служить, в село прибыла посылка от моего дядюшки. Так я хотел спросить, можно отправлять посылки или это решает лично офицер?

– Гвардейцам отправлять посылки можно. Кстати, этим и займёшься. Гвардеец Заскин, выйди из строя! Назначаю тебя своим ординарцем. О твоих обязанностях потом поговорим, но в них входит и сортировка, отправка посылок вверенного мне подразделения гвардейской роты, – долго не колебался, назначая Заскина ординарцем. Пусть молод, но это и хорошо. Ещё не растерял юношеский задор. – Встать в строй!

Посмотрел на реакцию бойцов и на того, кто поправил гвардейца. Тот только одобрителем кивнул головой.

– Гвардеец, выйди из строя! – скомандовал стоявшему во второй шеренге.

– Гвардеец Прокс, господин лейтенант, – выйдя из строя, представился солдат.

– Давно служите? – к сожалению ни личных дел, ни кого, чтобы расспросить о личном составе принятого подразделения не нашёл. Офицеров действительно не хватало, а сержанты оказались настолько намуштрованы, что только и отвечали: «Так точно!» и «Есть!».

– Четырнадцатый год. Прошёл три военные кампании, – я долго ждал продолжения ответа, но его не последовало. На суровом лице Прокса эмоции не читались, но выход из тупика нашёлся сам собой. Что-то в этом гвардейце было особенное, что заставило меня поверить в правильность своих действий.

– Внимание! Смирно! Гвардеец Прокс вам присваивается чин лейб-капрала. Через два часа жду у себя. В расположение, разойдись!

Не прошло и часа, как Прокс ожидал меня возле избы, где квартировал.

– Господин лейтенант, с вами желают поговорить, – доложил новоявленный ординарец.

– Почему не заходит?

– Так время ещё не подошло, вот и ждёт, а на улице холодно. Я его приглашал внутрь, в сени, но он отказался.

– Знаешь о нём что? Хотя, понятно, только прибыл, ещё не успел познакомиться.

– Уважают его, но и боятся, – тихо ответил ординарец.

– Зови. Как раз и отобедаем, накрывай на стол, – гвардеец Заскин правильно понял мой приказ. Быстро накрыл на стол, оделся теплее и вышел. Обратного не вернулся. В одиночестве вошёл только что назначенный мной лейб-капрал.

– Присаживайся, – указал на стол, – пообедаем, и, думаю, поговорить есть о чём.

– Вы правы, господин офицер. Для поговорить я и пришёл, пока приказ не ушёл на утверждение полковнику, но усаживаться за стол с офицером...

– Присаживайся. На обед всё равно не успеешь, а разговор, как понимаю, долгий.

Прокс осторожно уселся на край лавки. К началу разговора я не торопил, а разложил по тарелкам нехитрую снедь. Снабжение в гарнизоне было нормальное и крупы, и мясо попадали на стол не только офицерам, но и солдатам. Может не так много, как хотелось, но никто с голоду

не умирал и сил на выполнение регулярных занятий хватало. Хотя была у меня мысль попросить полковника удвоить рацион гвардейцев. Пусть отъедятся пока в тылу, а то неизвестно, что ожидает нас там, за линией фронта.

– Господин лейтенант, – не притронувшись к еде, после длительной паузы, заговорил Прокс, – я не могу быть лейб-капралом. Разжалован я.

Слова Прокса меня не удивили. Теперь-то я понял, что в его взгляде бросилось в глаза – так смотрят не исполнители, а те, кто сам привык отдавать приказ.

– Я – разжалованный лейтенант. Бывший командир, бывшей двенадцатой пехотной роты двенадцатой армии его Императорского Величества Страниса Первого.

Вот тут я удивился и устался на Прокса, но тот продолжал:

– За заслуги, меня, как знаю и вас, возвели в офицерский чин. Это было три года назад. Война только начиналась, – Прокс говорил медленно, подбирая слова. Изредка бросал взгляд на меня, но больше смотрел вниз, чуть склонив голову, словно Атлант, держащий на плечах непомерную ношу. – За что получил награду, думаю, неинтересно. Но за что разжалован, обязан рассказать.

– За неисполнение приказа? – предположил я и не ошибся. От моих слов Прокс вздрогнул.

– Вы правы, господин лейтенант. Я не исполнил приказ вышестоящего офицера. И вместо того, чтобы погибнуть, стоя на боевом рубеже, отвёл людей.

– Сколько жизней сохранил, когда, где, при каких обстоятельствах это было? – видимо мои вопросы удивили Прокса. Тот расправил плечи и устался на меня. Было тяжело наблюдать, как в нём борются чувства вины, ответственности и долга. Но что приятно удивило, страха я не заметил.

– Лейб-капрал, извольте ответить на поставленные вопросы.

– В прошлогоднюю летнюю кампанию, возле станицы Торопалово. Там скалистая местность, невысокие горы, ущелья. Моей роте был дан приказ удерживать направление на Михонск. Держались пять суток, а когда боеприпасы, но главное закончилась вода и люди стали умирать от жажды, я отдал приказ отходить. Уходили ночью. Из остатков боеприпасов соорудили тайные заряды, так что дорогу по ущелью завалило. Сенарцы потом трое суток разбирали завал.

– И это тебя спасло от расстрела? – предположил я и, дождавшись кивка, спросил более важный для меня вопрос, – сколько людей вывел?

Именно ответа на него зависела судьба новоиспечённого лейб-капрала. Когда он понял, что надо отходить, когда взял на себя ответственность и отдал приказ, не в тот ли момент, когда все подчинённые убиты и ранены, не струсил ли он сам?!

– Выходило тридцать два вместе со мной. Дошли двадцать восемь. Потом трое скончались от ран.

«М-да. Арифметика, чтоб её! Но у каждого спасённого или есть, или будут дети, а сколько ещё они своими умелыми действиями уничтожат врага? Такая практика дорогого стоит. И, как ни странно, именно имеющие опыт действия в окружении мне и нужны».

– Те, кто вышел с тобой, где они?

– Не могу знать. Меня ж разжаловали. Двенадцатая рота прекратила существование. Её не восстановили.

– Имена помнишь? Составь список. Я поищу их. Они нам пригодятся.

– Пригодятся для чего, господин лейтенант? – встрепенулся Прокс.

– Не догадался? Ладно. Через день буду у полковника, согласую твоё назначение. Не откажет. Так что не переживай, принимай командование. А по поводу опыта. Задача нам поставлена ответственная, пойдём в тыл к сенарцам, на прогулку.

– Зимой?! Какая ж прогулка? И след от саней виден, и лошадь не везде пройдёт, а пешком далеко не уйдёшь и много не навоюешь.

– Нам не столько воевать придётся, а мешать спокойно спать захватчикам.

– И когда? – поднимаясь со скамьи, спросил Прокс. Сейчас он выглядел не измученным Атлантом, а человеком сбросившим груз, тянувший его к земле. Стало понятно: от того, что выговорился, ему полегчало, что не начал на него кричать, а задавал толковые вопросы, понял его ситуацию. Я даже провёл параллель, что меня ждёт, если мой план не сработает? Тоже, что и Прокса. Ни я, ни он – не дворяне и рассчитывать на простую отставку не приходится, остаётся только одно, тщательно готовить операцию и в этом мне бывший офицер поможет.

– Скоро, – ответил уклончиво, так как сам не знал точной даты. Не готовы пока люди к длительному переходу. – Из подчинённых выбери толковых и грамотных, я с ними побеседую и назначу лейб-сержантами. Именно для этого я тебя и приглашал, чтобы обсудить вопрос с назначением.

– Слушаюсь. У меня есть на примете несколько человек, толковых. Но позвольте сначала с ними обсудить. Вдруг откажутся.

– Почему откажутся?

– У каждого могут найтись свои причины, господин лейтенант.

– А из тех, кто занимается по упрощённой программе? Там есть толковые солдаты?

– Есть. Но они неграмотные. Вы ж их в первый день отправили грамоте и счёту обучаться.

Глава 3

– Проходи, лейтенант. Ты прибыл раньше, – входя в помещение штаба, поприветствовал меня ординарец полковника Генинса лейтенант Нокарсис.

– Мне к десяти назначено.

– Так тебе не сообщили? Всё по полям скачешь, – ухмыльнулся лейтенант, – перенесено на час дня. Не успели всех предупредить.

– И много ожидается?

– По такому случаю собирается в полном составе штаб армии.

– Что за случай-то? – не понял я. Для разбора и обсуждения моего плана достаточно двух, ну трёх высших офицеров не согласных с ним. Зачем для этого собирать весь штабной состав?

– Так представитель Императора прибывает. По итогам как раз летней кампании, так скажем. Восемь человек из армии направляли в столицу для участия в большом приёме. Слухи, конечно, до нас доходили, но из первых уст узнать итоги изъявили все офицеры. Вот и пришлось перенести встречу, чтобы все успели прибыть ко времени.

«Понятно. Я-то думал, что полковник изъявил желание публично, при всех, разнести мой план, а тут просто, а может и непросто, но так совпало».

– Кто прибыл из столицы? – спросил, не надеясь получить внятный ответ.

– Полковник какой-то из Генерального штаба, говорят, что его назначили начальником штаба, а нашего в столицу отзывают, на повышение.

Пришлось ждать. Покидать тёплое помещение не стал. Расположился в одном из кабинетов, приготовленных для ожидающих встречи с командующим армии. Просто сидел, погружившись в созерцание, изредка проваливаясь в медитативное состояние. Думать, передумывать план своего рейда по тылам противника было уже поздно. Всё сотню раз обдуманно с разных сторон. К чему я не без удовольствия подключил лейб-капрала Прокса. Тот выдал несколько дельных советов, не меняющих общий план действий, а облегчающих отход после выполнения задачи. Всё-таки опыт у бывшего офицера имелся, и преступно им не воспользоваться.

– Лейтенант Мирони, вы спите?! – услышал знакомый голос.

Открыл глаза. Передо мной, в окружении офицеров, стоял капитан Сантерс, но знаки различия и форма соответствовала званию «полковник». Я поднялся, принимая стойку «смирно». – Вольно, лейтенант. Не думал, что и вы приглашены присутствовать на моём представлении в новой должности.

Я предполагал, что увижу кого из знакомых офицеров. Много было встреч за время пребывания в столице, но что этим полковником окажется Сантерс. Его повышение в звании и должности было прогнозируемо, но чтобы так быстро дорасти до начальника штаба, это меня удивило.

– Вижу, удивлены...

Ответить не успел. В помещение вошёл ординарец и пригласил к полковнику. Я хотел остаться, всё-таки представление нового начальника штаба происходит перед подчинёнными, к коим я не относился, но после непродолжительной паузы вернувшийся ординарец пригласил и меня.

– Не удивляйтесь, господа офицеры. Этот лейтенант произвёл сильное впечатление на Императора и по итогу докладов с фронтов, его героический поступок признан воистину героическим, судьбоносно повлиявшим на расстановку сил на южном направлении обороны и без него, рассказ о событиях на большом приёме, выглядел бы несколько скромно.

– Он и здесь отличился, – тихо хмыкнул полковник Саварсис, но его услышали.

– Даже так? – неподдельно удивился теперь уже полковник Сантерс. Он обвёл взглядом собравшихся и остановился на полковнике Генинсе. – Полковник, думаю, перенесём ненадолго мой рассказ о событиях большого приёма, а сейчас хотелось бы услышать из первых уст, чем успел за такой короткий промежуток времени отличиться лейтенант.

– Пока ничем, – хмуро ответил полковник, – он представил план, который планировали обсудить сегодня, чуть позже. Но если уж официальная часть представления завершена, предлагаю пройти в другой кабинет и обсудить предложение лейтенанта. Как раз благоприятная возможность ввести нового начальника штаба в курс дела.

Штабные офицеры начали доклад с общей обстановки дел. Присутствующие хорошо подготовились и говорили чётко, коротко, сугубо по делу, без домислов, только факты. Когда дошла до меня очередь, я немного растерялся, но видя заинтересованный взгляд полковника Сантерса, взял себя в руки и шагнул к карте. Говорил долго, а попытку меня перебить пресёк новый начальник штаба и дальше меня не прерывали. На лицах слушающих доклад читал озабоченность, непонимание, а новоиспечённый начальник штаба и командир армии о чём-то тихо разговаривали, будто меня не слушали. Но я не останавливался, продолжал убеждать собравшихся в своей правоте.

– Ваше мнение? – обратился к новому начальнику штаба командир армии, – понимаю, времени недостаточно для полного понимания обстановки...

– Почему же, – бодро ответил Сантерс, – лейтенант предлагает перейти линию соприкосновения, пробраться к стратегически важным объектам и их уничтожить. Чем посеять панику и поставить под угрозу всё существование на нашей земле армии агрессора. Цель понятна, но хватит ли сил? Лейтенант, какими силами вы планируете провести операцию?

– До сотни гвардейцев. На сегодняшний день отобрано и идёт подготовка к конкретно этой операции полусотни гвардейцев. Думаю, через пару недель их станет больше, но большим чем сотня числом переходить линию соприкосновения и идти по тылам противника считаю нецелесообразным.

– Почему?

– Возникнут вопросы со снабжением. Уходить будем не на один месяц. Контакт с местным населением будем стараться ограничивать, но столько продовольствия и боеприпасов не унесём, а если унесём, то мобильность группы снизится в разы.

– Логично. Просьбы? – как-то непривычно для меня было, что начальник армии сидел, не вмешиваясь в происходящее, а остальные штабные офицеры или боялись высказать своё мнение новому начальнику, или действительно не понимали суть происходящего, а может, им было всё равно?!

– Есть просьба, но она к полковнику Генинсу. Мной для утверждения подан рапорт на присвоение чинов младшего сержантского состава. Прошу рассмотреть.

Действительно, чтобы не пороть горячку, действовал строго согласно Уставу: составил рапорт, проект приказа, хорошо, что мой новый ординарец оказался не только грамотным, но и знающий положения Устава. Не зря новобранцев гоняли на его знание в первые недели службы. Затем через ординарца подал документы в секретариат армии, откуда они и должны были попасть на стол полковнику, но мирная жизнь расхолаживает. Поданные документы где-то затерялись в бюрократической волоките.

Через минуту вернулся ординарец и протянул проект приказа. Мельком увидел, что на нём стояли кем-то сделанные пометки. Полковник поднял на меня глаза:

– Лейтенант, по поводу назначения лейб-сержантов у меня нет возражений, но лейб-капралом назначать солдата, не выполнившего приказ.

– Прежде чем предлагать кандидатуру Прокса, я с ним побеседовал и не вижу оснований отказа в повышении звания. Солдат прошёл три кампании, зарекомендовал себя с положительной стороны...

– Но, как смотрю, – перебил полковник, вчитываясь в пояснения. Понятно, что всех запомнить невозможно. Но мне захотелось узнать, кто это такой прозорливый? Может служба кадров или особый отдел какой, всё-таки есть в армии? Но с работниками невидимого фронта мне пока не приходилось встречаться, хотя, возможно в скором времени, представится такая возможность и хотелось быть готовым к этому, – он, будучи лейтенантом, не выполнил приказ и оставил рубеж обороны.

Отвечать, что я бы также поступил, а может даже раньше отвёл уцелевших, не стал. Ответил:

– Господин полковник, этот случай мне известен. Своими действиями он спас от неминуемой гибели два десятка солдат. Я за него ручаюсь.

Повисла пауза. Полковник почему-то не решался своим волевым приказом мне отказать, но и соглашаться не торопился. Помог новый начальник штаба:

– Если за солдата ручается офицер, то в случае проступка, офицер и несёт ответственность.

– Полковник, вы немного не точно процитировали пункт Дворянского кодекса, – произнёс ранее молчавший офицер. Его я несколько раз видел: звание – капитан, невзрачная внешность, форма сшита на заказ, по возрасту слишком уж стар для этого звания, но чего не случается в армии. – А господин лейтенант не дворянин.

– Понимаю, но за заслуги, отмеченные Императором Странисом Первым, думаю, можно сделать исключение и принять поручительство не дворянина за клятву офицера.

– Это выход, – пробурчал полковник Генинса, – лейтенант Мирони, вы клянётесь в случае провинности лейб-капрала Прокси, понести за него наказание?

– Клянусь! – ответил не мешкая.

– Тогда, капитан Ландрэ, перепишите приказ с указанием этой клятвы.

«Так вот кто здесь знает всё и про всех! Это оказывается капитан Ландрэ – начальник местной службы безопасности, а сразу и не скажешь».

– Если это всё, – взял бразды правления в свои руки полковник Генинса, – то давайте закончим. Текущие дела ждут решения. Полковник Сантерс, вы разместились? Вот и хорошо. Тогда сегодня вечером соберёмся у вас, расскажите о наших героях. А сейчас, господа офицеры, по рабочим местам, в подразделения.

Я уже вышел, как меня догнал бывший капитан. Не привык ещё, что он так быстро дорос до такого высокого звания, не говоря о должности.

– Лейтенант, зайдите ко мне, надо поговорить... Присаживайся.

Тут до меня дошло, что решения то по моему вопросу не принято, дано добро или нет на рейд, продолжать готовить гвардейцев или нет?!

– Господин полковник, у меня вопрос, – и, не дожидаясь разрешения, продолжил, – какое решение по моему плану принято?

– Для этого я и пригласил тебя. Мы с полковником обсудили твой план. В случае удачи, я вижу реальную возможность ослабить противника. Сообщать всем об утверждении плана, как ты говоришь – рейда, по совету капитана Ландрэ мы официально не будем. И, что за спор произошёл у полковника с генералом? Он только вскользь тебя упомянул, ничего толком не объяснив.

– Спор из-за этого рейда. Первоначально план был представлен генералу, но он его не утвердил. Полковник самостоятельно принял решение о его подготовке. Мне дан месяц.

– Сколько времени осталось?

– Почти две недели.

– Успеешь?

– Да, – видимо, уверенности в моих словах полковник не услышал и, неодобрительно покачав головой, перевёл разговор в другое русло.

– Знаешь, лейтенант, почему я очутился именно здесь? Понятно, что не знаешь. Когда ты быстро покинул дворец, меня атаковали со всех сторон и офицеры, и желающие познакомиться с героем дворяне. Знаешь, как мне, не зная, что отвечать, было трудно? Я крутился как уж на сковородке! Но на шестом, последнем перерыве, меня пригласил на личную беседу Император. Он, как понимаешь, расспрашивал о тебе. И я получил наказ, присматривать за тобой. Приглянулся ты Императорской семье – везунчик! А тут так срослось, что действующий начальник штаба ушёл на повышение, в столицу. Стар он уже по боевым частям разъезжать. Вот меня и прислали сюда.

– Поздравляю, господин капитан, – поздравил, заметив довольный тон собеседника.

– Благодарю. От меня, какая помощь требуется?

Помощи мне не требовалось, всё, что было необходимо, мне предоставил полковник, взяв под своё крыло. Оставалось делом за малым – завершить подготовку гвардейцев особо не распространяясь о цели этой самой подготовки. В своих подчинённых я был уверен. И то, что поделился планом вылазки за линию соприкосновения с лейб-капралом и сержантами, меня не пугало. Все они прошли ни одну военную кампанию, и я в них был уверен как в себе.

Оставшиеся недели посвятил подбору продовольствия, снаряжения и боеприпасов. Понимая, что тушёнки в это время ещё не изобрели, кстати, надо как-нибудь подсказать местным поварам рецепт приготовления, вот только во что закатывать? Стеклой тары очень мало и она слишком дорогá, а жести для изготовления металлических банок нет. Ну не закатывать же продукт в кованую тару! Так что пришлось использовать то, что имелось в наличии: сухари, сушёное, вяленое, солёное мясо и сало, травяные сборы вместо чая, мёд и главное – это много разнообразных круп. Кстати, картофель тоже хоть и имелся, но в крайне малом количестве. Учитывая суровость климата, делал упор на жирные продукты. При одинаковом занимаемом объёме, сало в себе несёт больше энергии, чем сушёное мясо. Но и про горячую пищу – супы, забывать не стал. Изложив свои соображения сержантам, ждал выполнения распоряжения, как меня вызвали в штаб.

– Проходи, лейтенант, – без приветствий заговорил полковник Сантерс, – соседи с юга прислали донесение, прочитай.

Ординарец протянул мне сложенный лист, я углубился в чтение и глаза мои расширились от удивления. То, что я хотел проверить буквально через несколько дней, сделали наши противники. Они, под покровом ночи пробрались к складам и их подожгли. К счастью, часть продовольствия успели разослать по частям, но разрушенная инфраструктура, уничтоженные капитальные строения, а главное просматривалась тенденция.

– Что скажешь?

– Скоро начнутся проблемы со снабжением, – сделал напрашивающийся вывод.

– И это тоже, но главное, что?

– Нас опередили. В штабах сенарцев сидят не дураки и останавливаться, и спокойно ожидать на зимних квартирах, дожидаясь окончания зимы, они не намерены. Теперь, предполагаю, будет труднее выполнить поставленную задачу.

– Я рекомендовал генералу увеличить охрану складов и усилить охранение продовольственных караванов. Он меня послушал. Теперь информация для тебя, лейтенант. Генерал лично вспомнил о твоём плане и санкционировал его исполнение. Детали уточнять времени нет. Выступаете через два дня, что для удачного выполнения задания необходимо? И да, тебе даётся полная свобода действий в тылу врага. Выбираешь цели сам, но главное, чтобы как можно болезненнее и ошутимее был нанесён урон противнику. Ещё, последние сведения из столицы не радуют, Император Странис Первый опять заболел. Не поднимается с кровати. Управляет, как и в прошлый раз, его жена – эну Доанна, но она не военная и мало чего смыслит в тактике и стратегии, хорошо, что по своей прихоти никого не смещает, понимает, что дела на фронтах вышли из-под контроля.

Я слушал быструю речь прохаживающегося по своему кабинету полковника и понимал, что наступают переломный момент. От завершения зимней кампании будет зависеть, кто победит в войне. Не думаю, что сенарцы пойдут на штурм столицы Империи, но завладеть богатыми и благоприятными для проживания регионами вполне смогут, а потом, когда снабжение войск разладится, ждать предложения о перемирии, или, в самом благоприятном случае – о позорном мире.

– Мне необходимо ещё три дня для завершения подготовки, – ответил, прикидывая в уме, что ещё необходимо сделать.

– У тебя два дня! Потом будет труднее. Время играет не на нашей стороне. Всё, что ты запросил из продовольствия, тебе выдадут. Я согласовал это напрямую с генералом. Но и он понимает, что в скором времени придётся экономить. Так что – только два дня тебе на подготовку.

Приказы не обсуждаются. Вышел от полковника в возбуждённом состоянии, вернувшись в расположение, даже накричал на своего ординарца. Ещё столько необходимо сделать, а времени совсем нет. Два дня прошли в беготне. Я, казалось, загонял своих сержантов, не говоря о простых гвардейцах, но надо получить со склада продовольствие, уложить на сани. Да, принял решение выдвигаться на санях, как хотел всё нести на себе, но другого выхода не нашёл. Не выдержат в такой неудобной форме солдаты, а попытка поставить их на лыжи, провалилась. Не было такого средства зимнего передвижения в это время и на этой планете, но, с уверенностью говорю, пока не было.

Рано утром третьего дня, я, с отобранными восьмьюдесятью гвардейцами, ушёл в неизвестность.

Глава 4

– Потерпите, ещё чуток осталось, – подбадривал я гвардейцев. Вышли мы рано утром и шли, где по дороге, где пробираясь через заметённые снегом заносы уже целый день. Долгие остановки делать запретил. По плану нам следовало сделать марш бросок в полсотни километров к месту, где планировал организовать базовый лагерь. – Скоро дойдём, а там уж и отдохнём.

Гвардейцы не роптали. Не зря перед выходом дал всем время на отдых. Как кричал на меня полковник! Но после моего предложения ему лично возглавить рейд, он сдался и нервно смотрел, как ббольшая часть солдат отдыхает, а я тем временем ходил, проверял нагружённые сани и маскировку на лошадях. После приказа о пошиве из простыней накидок и для лошадей, на меня смотрели как на поехавшего головой, но приготовления оказались не лишними. Изда-лека заметить колонну было возможно только по оставляемому следу на свежем снегу. Но и об этом я позаботился, приказав арьергарду прикрепить к последним саням сломанные ветки, заметая следы. Конечно, хороший следопыт найдёт и определит, и направление движения, и состав колонны, но мне нужно было выиграть время. Хотя бы сутки, чтобы дойти до места предполагаемого лагеря, его оборудовать и тогда можно приступить к выполнению основной задачи.

По знаку авангарда колонна остановилась. По моим предположениям ещё час назад должны были дойти до места, но двигались медленнее, чем рассчитывал. Глубокий снег, местами крутые подъёмы, снижали скорость передвижения.

– Лейб-капрал, – добравшись до места, собрал вокруг себя сержантов. Выбранная для организации лагеря лесополоса, обозначенная на карте как густой лес, оказалась узкой полоской лесонасаждений, но подумав, всё-таки не стал искать другого места. Люди сильно устали, да и стремительно темнело. Искать более подходящее место для ночлега времени не оставалось. – Организуйте отдых и горячее питание. Выставить охранение. Сегодня переночуем здесь.

– Дальше не пойдём?

– Пока не знаю. Есть в подразделении кто из местных, пригласи ко мне, – как сразу не додумался найти проводника среди не только своих гвардейцев, но и поспрашивать из соседних частей. Вот что значит, обрадовался, когда полковник Сантерс выделил мне для похода карту местности.

Через пару часов, когда окончательно стемнело, с Проксом подошёл гвардеец:

– Господин лейтенант, гвардеец Черсин. Призван из этих мест.

– Откуда конкретно? В этих местах бывал?

– Заходил сюда. Лет десять назад, ещё в детстве, с батюшкой. Но лес тут был статный, не то, что сейчас. Местный энц лесопилку в этих краях поставить хотел, видимо, исполнил своё пожелание.

Теперь понятно, что карта не совсем точная оказалась. За десять-то лет, сколько вырубили да попилили. Но населённых пунктов рядом не было. Вот и забросили, как лес стал редеть. Слишком далеко возить – не выгодно, но и война внесла свои коррективы.

– Где ближайшее отсюда село? – спросил, зная ответ, но не мешало проверить местного жителя и сверить данные карты.

– На запад станица Дасская – день пути. На северо-восток Танская тоже день пути.

«В этом карта не врёт. Значит, до станицы Лисовна, где по моим предположениям основные склады, примерно четыре дня пути».

– Дороги, пройти сможем?

– Да, какие дороги, господин лейтенант! Замело все.

– Возле станицы Дасской мост через Пенху?

– Так точно, господин лейтенант.

– Кратчайшую дорогу знаешь?

– Знаю, почему не знать, но снега много.

– Пойдём налегке. Пока свободен! Прокс, останься...

Мой план лейб-капрал слушал внимательно, но по его уставшему лицу видел недоумение:

– Прокс. Я тебе доверяю и другого, с таким же опытом командования здесь нет. Так что, я с двумя десятками гвардейцев завтра поутру выдвинусь к мосту возле станицы Дасской. А ты с основными силами продвигайся к Танской. Не заходя в село, расположись в этом лесочке. Оборудуй лагерь, но в бой с противником не вступай. Действуй скрытно, – указал на карте, хорошо, что тот умел её читать, место будущего лагеря.

– А как же вы, господин лейтенант? – отвечать на этот риторический вопрос не стал, ну что ему ответить? «Молча» или наглубить верному солдату?

Утром отобрал два десятка гвардейцев и на двух санях покинул лагерь...

Гвардеец Черсин и вправду знал короткую дорогу, точнее направление, где с трудом, но проходили сани. Меня только удивляло, что за эти дни нам не встретился противник, а передвигаться приходилось и днём, и разжигать костры, чтобы не только приготовить пищу, но и согреться. Но всё оказалось прозаичнее:

– В лес! – раздался сигнал из авангарда, но сворачивать было некуда. И справа и слева непроходимые сугробы. Колонна оцетинилась оружием. Бегом перебрался к первым саням и всматривался вдаль, за поворот, ожидая неотвратимого – встречи с противником.

Показался кто-то из передового дозора:

– Господин лейтенант, вражеский разъезд! Двое всадников.

– Где они? Смогли, кого захватить?

– Никак нет! Они доскакали до развилки и, постояв немного, повернули назад.

– Там, дальше, как раз перекрёсток и одна дорога идёт дальше в Самрит, а другая к станице Даская, – пояснил подошедший гвардеец Черсин. Теперь стало понятно, почему разъезд развернулся. Они доскакали до последней своей точки маршрута, ни кого не встретив, убедились, что по дороге никто не следует, и повернули назад. Хорошо, что не успели выскочить и выйти на прямую дорогу к цели нашего пути.

Раскрыл карту. По дороге до станицы Даская три-четыре часа пути пешком шагом. Значит, конному разъезду необходимо, примерно, часа полтора, а если не спехом, то два. Вероятно, со стороны станицы Самрит ходит другой разъезд, но не точно. Скорее всего, они бы остались, дождались своих визави и перебросились парой слов, делясь нелёгкой долей и строгими командами, выгнавшими в такой мороз для патрулирования дороги.

Вечерело. Пришлось искать место для ночлега.

– О чём задумались, командир? – подошёл гвардеец Черсин. За последние сутки он постоянно был рядом со мной, даже ординарец иногда отлучался, передавая мои устные приказы растянувшейся группе.

– Думаю, как мост разрушить, – ответил честно, не скрывая своих намерений. Вот что-то, а не учёл я особенностей этого мира. Нефти: бензина, керосина и других горючих жидкостей здесь не знают. Только спирт. Динамит не изобрели. Только порох. Да, мы его взяли много, с запасом, десятков бочонков, но хватит ли этого для разрушения хотя бы одной опоры моста?

– А что его разрушать? Поджечь и он сам рухнет, – я повернулся к гвардейцу, – не смотрите на меня так, господин офицер, хоть и зима, холод. Но мост старый, трухлявый совсем. И как ещё стоит, не знаю. Я ещё малым с делегацией вместе с отцом к местному энцу ходил, чтоб поспособствовал каменный мост соорудить, но то одно, то другое.

– Холодно, влажность высокая. Снега на самом мосту, небось, много, как поджечь-то? Не загорится.

– На нашем берегу, рядом стоит сторожка, там постоянно смолу варят, чтобы брёвна промасливать и ими щели заделывать. Мост старый очень. Ремонт постоянно идёт, это ещё в мою бытность было, а сейчас, думаю и с двух сторон сторожку поставили. Чтоб, значит с двух концов ремонтировать.

«А это выход! Если дотащить этот чан, или в чём варят смолу ближе к центру моста, оставить там вместе с пороховыми бочками, то знатный взрыв получится и загорится, что водой не потушишь. Вот только как всё это сделать?!»

– Позови сержанта.

– Я здесь, господин лейтенант.

– Подбери десятерых, кто посильнее и меньше устал. Пойдём, посмотрим сначала на этот мост.

Откладывать на следующую ночь разведку не стал, а как стемнело, с небольшой группой выдвинулся к мосту. Каждая пара несла по бочонку пороха. Он не тяжёлый, всего десять килограмм, примерно. Я хотел посмотреть, что происходит возле моста, какое охранение, сделать тайник и через день вместе со всеми вернуться.

– Господин лейтенант, что-то тихо совсем.

Я всматривался вдаль. Мост чернел впереди, но ни охранения, ни секретов не замечал. Только возле сторожки виднелись множество следов, и пахло конским навозом.

– Трое за мной. Остальные прикрывать! – мысль пришла быстро. Сейчас самое тяжёлое для часового время, скоро рассвет и невыносимо тянет ко сну, а ещё, как назло выдалась морозная ночь. Пришлось перед выходом обмазывать лицо салом, чтобы не обморозиться. Так что, если и есть кто из охранения сенарцев, то они все в сторожке. Больше тут никаких строевых нет и спрятаться от ночного мороза больше негде.

Ползком, как учил, короткими перебежками добрались до сторожки. До моста ещё примерно метров пятьсот. Оставил одного из гвардейцев прикрывать, чтоб не стало неожиданно появлением кого из противников. Подошёл к двери, осторожно дёрнул – незаперта. Обнажив клинок, подал знак следовать за мной и рванулся внутрь. Прямо у дверей, в небольшом закутке, прислонившись к стене, дремал солдат. Он даже не понял, что произошло, а просто отправился в мир иной. Осмотрелся, но выяснить численность тех, кто находится внутри не смог – темно. Приходится рисковать. Открываю рывком вторую дверь и врываюсь внутрь, ухожу вправо, давая проход следующим за мной гвардейцам, и натываюсь не то на скамью, не то на кровать. Чуть не падаю, но в скудно освещённом одной свечой помещении замечаю лежащего на скамье человека в сенарской форме. Бью, не раздумывая по голове, но удар проходит вскользь, но и его хватает, чтобы тот отключился. Шум, возня, вскрики быстро прекратились.

– Разожгите свечей, надо осмотреться, – отдаю команду, а сам усаживаюсь за стол. По числу приборов, стульев, количеству приготовленного, можно сделать примерный вывод о количестве ночевавших. Бросаю взгляд на стол: шесть мисок, четыре ложки, два табурета. Лавки можно двигать. Нехитрым подсчётом, делаю вывод, что здесь не меньше восьми человек.

– Черсин, сколько тел?

– Шестеро. Ещё один едва живой и один в сенях.

– Не ошибся, – удовлетворённо замечаю для себя, что не ошибся в подсчётах, – тащи живого. Поговорим. Посмотрите, где тут местные, не могли ж они тут сами мост ремонтировать?!

– Так, известно где, в хлеву. Даже бабу-стрепуху туда отправили, чтоб не мешалась, – ответил один из бойцов.

– И старшего из местных приведи, но тихо, чтоб не испугали и крику не подняли.

Подвели ко мне раненого:

– Лейтенант Мирони, гвардия его Императорского Величества Страниса Первого! – представился, – советую отвечать на вопросы быстро и чётко. Тогда обещаю вам жизнь. Представьтесь.

– Капрал Ехонс, а вы хорошо знаете язык. Обучались в Сенарской Империи? – наглость пленённого меня удивила. Мало того, что голова рассечена глубоким порезом, кровь течёт, не переставая, взят в плен, так осмеливается вопросы задавать.

– Черсин перевяжи, – пока не стал продолжать допрос. Ввели напуганного местного зрителя или старателя, не знаю, как правильно сказать. У него тут, оказывается, семья уже третье поколение живёт, ремонтом моста занимается. Ещё его дед был приставлен следить за состоянием моста. Смастерили сторожку, потом, когда поняли, что это надолго, поставили пристройку, хлев, хозяйство малое завели:

– ...а что, господин офицер, – продолжал глава семейства Мотискин, – дел много, что зимой, но особенно летом. Деньги на материалы исправно приходили, отчёт, если нужно предоставляю. А как захватили нас, так куда мне с семьёй деваться? Остался здесь. Тяжело конечно, но свою работу знаю. Я и плотник, и землекоп, и по немного всему обучен. Сыновья, так мне помогают, вот старшему моё место и перейдёт...

– Много по мосту сенарцев перебралось? – перебил зрителя. Мне было жалко его, но сразу говорить, что пришёл разрушить мост не стал.

– Много, но это ещё летом. В основном сейчас подводы идут. По полсотни, иногда больше за раз. В неделю до трёх сотен проходит. Но, говорят, выюга на том берегу. Вот и схлынул поток. Вчера только последний караван прошёл.

– Заскин! – подозвал ординарца. – Слушай мой приказ: вместе с семьёй Матискина проследуешь к сержанту. И возвращаетесь обратно, – указывать место лагеря не стал. Слишком уж пленённый капрал внимательно прислушивался к нашему разговору.

– Но, господин лейтенант...

– Мы тут сами справимся. Тебе особое поручение: передашь записку полковнику. Это главная твоя задача, – смысла в этой записке особо не было, но для придания важности поручения, пришлось соврать. Ординарец попался больно горяч, не гнушаясь ни грязной работой, ни следованию в авангарде.

– Зачем? Мы и тут... – только и вымолвил зритель.

– Мы уничтожим мост, – выпалил резко, смотря за реакцией Матискина.

– А как же...

– Новый отстроят. Вот войну выиграем, а сам понимаешь, этот мост слишком много для них, – я кивнул в сторону наострившего уши капрала, – значит. И подкрепление, и провиант поступает.

– Так, а как мы без него? Как на тот берег попасть?

Я понимал недоумение зрителя. Мост для него вся жизнь. Он ещё с детства ухаживал за ним, лелеял. Наверно, каждый гвоздь в нём знает, каждую доску, а тут приходит солдат, ладно бы враг, а то свой и говорит: «Не будет больше моста». Вся жизнь рушится у этого в годах мужчины, всю жизнь отдавшего единственному делу.

– Иди, собирайся. Много не бери, чтоб только на себе унести. Идти долго, так что считывай силы.

– Как же так. Как же... – под причитания, ординарец вывел его к семье. Наступила очередь капрала.

Нарочито громко скомандовал:

– Черсин, а для этого капрала приготовь верёвку и покрепче. Повесим на мосту.

Как встрепенулся пленный, надо было видеть: с места подскочил, чуть ли не на два метра, едва не ударившись о низкий потолок.

– Вижу, что понимаете меня, – продолжил на канторийском наречии, – советую отвечать правду, а то мой приказ будет исполнен в точности.

Рядом завозился Черсин, доставая верёвку и своими мощными руками, пробуя её на разрыв.

– Да-да, господин офицер, спрашивайте.

– Кто вы? Звание, должность.

– Капрал Ехонс – личный адъютант полковника Знарскисса. По указанию командира, следую в станицу Лисовна с требованием увеличить поставки продовольствия.

– Что так? – удивился. Небось, врёт. – Обыскали?

Черсин кивнул и пожал плечами, давая понять, что ничего интересного не нашли.

– Не знаю, при мне недостатка в продовольствии не было. Я уже неделю в пути. Подолгу приходилось останавливаться, то смены лошади не было, то непогода.

Я достал карту, закрыл свои пометки и подозвал капрала:

– Где расположена часть? Численность?

– Вот здесь, – он ткнул пальцем в небольшой населённый пункт, прямо рядом с линией соприкосновения войск, – численность сто тысяч мушкетов, двадцать тысяч всадников и ещё вспомогательные войска, всего до двухсот тысяч.

– Врёшь!!! – не выдержал. – Столько там не разместится. Тем более, зимой.

– Эти части ещё до начала зимы должны были идти на столицу, но непогода помешала. Да, тесно, но терпим...

– Господин офицер, – вошёл хмурной Матискин. – если уж так решено, давайте я вам помогу. Я знаю... – подал ему знак замолчать.

– Черсин, этого, – указал на капрала, – связать и подготовить к отправке в тыл. – Когда капрала увели, обратился к смотрителю, – чем можешь помочь?

– Знаю, как без особых усилий разрушить мост. Пятая балка по левой стороне совсем слабая, если её хорошенько тряхнуть, не выдержит – рухнет.

– Хорошо. Этим и займётесь. Даю тебе двоих гвардейцев, и чтоб через полчаса всё было готово, – отдал приказ, а сам уселся писать письмо полковнику. Уже светало, и была опасность, что или дозор с той стороны, или очередной караван начнёт движение по мосту. Приходилось спешить. Как только закончил писать письмо, вошёл ординарец:

– Господин лейтенант, семья Матискина собралась, можем уходить.

– Возьми, – протянул запечатанный пакет. – Передай лично в руки полковнику Сантерсу.

– Всё готово, господин офицер, – выходя из сторожки, встретил Матискин. – Надо уходить, а то слишком уж много ваши гвардейцы пороха уложили. Говорил им, и трети хватит, нет, говорят, зачем назад нести.

– Уходим!!! Матискин, ты догоняй семью, а мы чуток поплутаем. Запутаем, если кто по следу пойдёт.

Грохнуло знатно, что и в полукилометре отчётливо слышался взрыв, и обломки моста поднялись так высоко, что, казалось, взорвалась пятисоткилограммовая авиабомба.

Запутав следы уходящих к временному лагерю, мы вышли на дорогу. До станицы Танская оставалось полдня пути, и это расстояние я намеревался пройти до темноты...

Вновь из головного дозора донёсся условный сигнал, и мы залегли в небольшом лесочке, а мимо нас, галопом, нёсся сенарский сабельный эскадрон.

Глава 5

– Что-то их слишком много, – тихо прошептал лежавший рядом гвардеец Черсин.

«А ведь верно, – думал я, укрываясь среди невысоких деревьев, окунувшись лицом в сугроб, – куда столько народа гнать? И обозные телеги с фуражом с собой не забыли. Значит, не на один день покинули тёплые квартиры. Неужели так быстро дошла весть, что мост разрушен? И это по нашу душу такую ораву подняли на седло?».

– Откуда ведёт эта дорога? – спросил, так как поостерегся доставать карту, когда буквально в полусотне шагов от тебя скачут враги.

– Дальше нет ни поворотов, ни ответвлений. Напрямую к станции Танская ведёт дорога, а дальше не помню, господин лейтенант.

– И доходит до станции Дасская?

– Верно, господин лейтенант.

Сомнений не осталось. Подняли расположенные ближе всего части и направили к разрушенному мосту. Но что-то слишком быстро донеслась весть, что мост разрушен. Хотя, нас пару раз нас обгоняли единичные всадники. Вероятней всего, среди них и был гонец с известием о проведённой диверсии. Теперь по дороге двигаться опасно. Разъезды будут попадаться слишком часто и рано или поздно, но не успеем вовремя сойти с дороги.

– Черсин? Есть другой путь к станции?

– Только лесами. Но давно был в этих местах, могу не вывести.

«По прямой осталось километров десять, – думая я, выбирая, что делать, – идти по дороге, так по ней только что проскакал эскадрон в полтысячи сабель с обозом. Повезло, что не заметили, но это долго продолжаться не может. Если продолжать придерживаться дороги, то точно упрусь или в секрет, или в отставшие обозные части, а вступать в бой – только раскрыть себя. Понятно, что всадники в лес не сунутся, не их это стихия. Им подавай простор, да лихой наскок. Тем более, это не тяжёлая кавалерия, а лёгкая. Вот только зачем они туда так целенаправленно скачут? Смыкают кольцо? Ведь кавалерия самый быстрый на данный момент род войск. Ими как раз можно заткнуть брешь в обороне до подхода основных пеших частей. Значит, за кавалерией последуют пешие части. А если это мои гвардейцы, что должны вернуться в тыл, раскрыли себя? Что делать?! Их там пятнадцать гвардейцев на двух подводах, да пленный капрал и семья Матискина. Фору им обеспечили примерно полсутки. Должны успеть, не попасть в смыкаемое кольцо окружения, но как бы им помочь?!»

– Передай всем по цепочке, у кого топоры, ко мне, – скомандовал, приглядывая массивную сосну, чтобы одним упавшим стволом перегородить всю дорогу.

Топоры оказались у всех. И где только раздобыли? По штату только каждому десятому положен топор, а тут у всех. На этом не стал заострять внимание. Что помогает выполнить задачу, всё надо использовать.

– По одному вперёд и назад на сотню шагов и слушать внимательно приближение врага. Если вдруг что – подать условный сигнал: зов кукушки. Остальные: видите это дерево, его надо рубить быстро и аккуратно, чтобы оно упало, перегородив сразу всю дорогу.

Справились на удивление быстро. Видно сказался деревенский опыт. Я бы сначала ходил вокруг да около, примерялся, куда ударить, чтобы в нужную сторону упало, а двое, наверно в прошлом лесорубы или плотники, подошли, о чём-то посоветовались, один ушёл стругать клинья, а второй начал рубить. И каждый его удар вгрызался в деревянную плоть, что только щепки летели, а клиньями быстро доделали нехитрое дело. Я боялся, что не успеем и придётся покинуть, не закончив начатое дело. Хотел приказать гвардейцу Черсину собрать остатки пороха и взорвать ствол, но массивное бревно повалилось набок, перекрыв собой дорогу.

– Дозорных назад! Уходим в лес!..

Вместо расчётных трёх-четырёх часов к месту предполагаемого лагеря прибыли затемно. Я долго крутил карту, всматривался, ища ориентиры, но не ошибся, вышли к тому месту, которое наметил лейб-капралу Проксу, но ни лагеря, ни его следов не видел. Даже снег был не утопан.

– Что-то не так, господин лейтенант? – подошёл Черсин. Хороший гвардеец оказался, если выйдем живыми, представлю его к награде или ещё как награжу, но в этот раз не сдержался, ответил грубо, еле сдержался, чтобы не выругаться нецензурно:

– Не догадываешься? Где Прокс, где оборудованный лагерь? И не надо мне говорить, что я ошибся, вывел не туда. Нет, не ошибся. Именно здесь должен быть основной лагерь!

– Так, может тайный сигнал подать? Я мигом, – не успел ответить, как гвардеец что-то пропищал, имитируя птичий язык. После пятого уханья, больше похожего на приглушённый бой бубна, ему ответили. Звук, отражаясь от крон деревьев, гулял по лесу. Я определить точное расстояние не смог, но направление гвардеец определил точно.

– Туда, господин лейтенант. Разрешите, сбегая, посмотрю.

Через час я сидел в оборудованной землянке ипил крепкий, тёплый отвар. Местом я не ошибся. Всего лишь пара сотен метров, что это за расстояние – тьфу! Но маскировка устроенного лагеря меня поразила. Нет ни дыма, нет ни одной утопанной дорожки, оборудованы с запасом шалаши и в небольшом овражке сооружена землянка. Горят костры, но в ямах, что ни отблеска искр, ни почему-то дыма не чувствуется. Но главное, что меня поразило – это отхожее место, вырытое в промёрзлой земле и обложенное какими-то вонючими ветками, что забивают своим запахом любую вонь.

Видя наш измученный вид, вместо того чтобы броситься докладывать, лейб-капрал Прокс приказал распределить по шалашам прибывших, накормить и дать отдохнуть. Я не сопротивлялся. Хотя зубы скрежетали, и внутренне был готов сорваться на своего подчинённого, но повода не было.

Отставив кружку с приятно бодрящим отваром, обратился к Проксу:

– Докладывай, лейб-капрал.

– Господин лейтенант, ваше задание выполнено. Вверенное мне подразделение из шестидесяти гвардейцев прибыло в намеченный район. Коней с санями пришлось оставить в другом месте. За ними оставлено присматривать десять гвардейцев. Я в них уверен. Не подведут! С остальными оборудован лагерь...

– Вижу, что оборудован. Что в станице? Сколько в ней противника?

– Выслал вперёд смотрящих, – не смутившись, продолжил Прокс, – вернулись все. С сегодняшнего утра в станице замечено движение. Расквартированный в ней сабельный эскадрон посажен на лошадей и ускакал в неизвестном мне направлении по дороге на Дасскую. Ближе к полудню, из станицы вышел пеший полк. Дорога тут одна, думаю, тоже в Дасскую. Господин лейтенант, слышал, это вы там пошумели, что почти все части покинули тёплые квартиры?

– Мы пошумели. Моста больше нет.

«Быстро же распространяются хорошие новости», – ухмыльнулся про себя.

– А, остальные, вас же двадцать уходило на двух санях...

– Не переживай. Все живы, по крайней мере, когда расставались. Пленного там захватили, и семью местного зрителя пришлось в тыл отправить. Так что завтра они уже в расположении поздравления принимать будут. Сколько осталось в станице сенарцев?

– Насчитали пешую роту и полуэскадрон тяжёлой конницы. Последние тоже собирались, снаряжали лошадей, но в ночь не выдвинулись. Остались готовы к выдвиганию, даже лошадей не распрягли.

«Интересно... полуэскадрон это ж двести всадников. Хотя, в тяжёлой коннице меньше численность, сотня, скорее всего. Вот как бы их проредить немного. Но успеем ли подготовить засаду? Теперь противник настороже. Сваленное топором дерево никуда не денется, да и выводы напрашиваются сами собой. Наверно, надо уходить отсюда. Ладно, сейчас подумаем. Как говорится: одна голова хорошо, а две лучше».

Расстелил на грубо струганом столе карту.

– За отличную организацию тайного лагеря, хвалю. Ты тут уже давно обосновался и вижу, что рвёшься в бой. Твои соображения, капрал.

– Оставить здесь охранение, а основными силами выдвинуться к станице Лисовна. Часть людей устала и им нужен отдых, а как понимаю, наша основная цель – склады.

– Главную цель, верно, подметил, – ухмыльнулся я. Понимания, к чему клонит капрал. Засиделся он в безделье, думает, что без него война закончится. И как ему хочется отличиться, доказав, в том числе и себе, что не трус.

– Готов возглавить группу...

– Понимаю тебя, капрал, – перебил, чтобы тот не сказал лишнего. Не хотелось портить впечатление о хорошем командире, – но до нашей цели три дня пути. И оставлять тут пусть и часть гвардейцев, не вижу смысла. Если и будем возвращаться, то другой дорогой. Обратного пути у нас не будет. Смотри: Лисовна стоит на перекрёстке путей и оттуда можно выдвинуться в разные стороны. Противник просто не в силах будет перекрыть все направления отхода, но направление на Танскую перекроет. Тем более, если мы пошумим немного в самой станице. Как думаешь, когда выдвинется тяжёлая конница?

– Поутру. Не думаю, что с восходом, но сенарцев не поймёшь. Могут и прям с первыми лучами выйти.

– Правильно заметил. Кони в стойлах, как сказал, стоят в полной броне. Долго так они не выдержат, а ещё переход. Так что, подбери полсотни гвардейцев для организации засады. Где-нибудь во-от здесь, у этого поворота. Остальные, пусть собираются и к саням, а как услышат шум, пусть зарядят все мушкеты и выдвигаются вот сюда. Так скажем в тыл конницы.

– Господин лейтенант, а куда ж ехать, на санях?

– Не понял, капрал? – ухмыльнулся я.

Конечно, план рассчитан на внезапность, но почему бы его не воплотить в жизнь? Встретить конницу двойным залпом из всех стволов. А потом, усевшись на сани, прокатиться по станице Танская, шумя и постреливая. Главное, чтобы мушкетов хватило, пуль, да пороха. Но не зря я с собой брал запас. Думал, на мост больше уйдёт, но арсенал у нас хороший, можно попробовать. Зарядить все мушкеты, чтобы не тратить время на перезарядку и залпом... ра-аз! Потом два-а! И ищи ветра в поле. Бросаем сани, всё на себя и в лес, тропами, тропами. Выйдем к Лисовне. Не думаю, что противник поймёт, что мы практически поворачиваем назад, а не уходим обратно на юго-восток.

Такой хороший план и чуть не провалился. Нет, собраться, предупредить возникших, распределить роли, всё успели, но вместо тяжёлой конницы на место засады вышла пешая рота. Хотел пропустить и дожидаться всё-таки конницы, но нас заметили. Залп по команде, второй залп и мы спешим к месту встречи с возникшими. Только успели водрузиться на сани и набрать ход, как навстречу нам несётся тяжёлая конница.

– Не останавливаться!!! Мушкеты вперёд! Залп по готовности, стрелять, как учил! Метко и верно, – только и успел отдать приказ, как первые сани врезались в колонну всадников.

Удар был страшен! Даже я, сидевший в третьих санях, услышал скрежет сминаемого металла кирас, и треск ломаемых деревянных частей саней. От оглушительного залпа заложило уши, а дым пороховых газов мешал смотреть вдаль. Я только и успевал, что стрелять, всеми фибрами души надеясь, чтобы мы не застряли в плотном ряду врага. Ведь сзади пришли в

себя остатки пешей роты и с уверенностью можно сказать, что они повернули назад, для удара нам в тыл.

Схватка: конный против пешего, думаете, последний много навоеует? Но когда на твоей стороне внезапность и... потом я долго анализировал этот бой, считая совпавшие факторы, но они оказались все в нашу пользу. Тяжёлая конница шла рысью колонной по двое походным маршем, не успев обнажить оружие, и первый ряд был сметён набравшими ход санями. На наших лошадях были шоры, не позволяющие смотреть по сторонам, и оглобли немного выпирали, что приводило к столкновению сначала с выступающей частью. А удар набравших скорость гружёных саней, словно таран, раскидал по сторонам первую пару, несясь вперёд сея сумятицу, пробивая дорогу. Масса тяжёлого конника высока, но не сравнится с гружёными санями, на которых сидит до двух десятков гвардейцев, нещадно палящих вперёд. Слаженный залп, быстрая перезарядка и вновь залп.

Ещё повезло, что всего два десятка тяжёлых конников покинули станицу, и на скорости, раскидав по сторонам, не завязнув в плотном ряду, удалось пройти, как нож сквозь масло, целых шесть пар. Всадники теряли равновесие, падали с лошадей, оставаясь на обочине, давая возможность саням, не снижая скорости продолжать движение. Но везение заканчивается. Первые сани завязли и всадники оцетинились своим оружием.

– Вперёд!!! С саней! Бей, коли их!..

Ничего не оставалось, как броситься на выручку. Длинный мушкет, да с прилаженным к нему штыком – мощное оружие даже против закованного в броню всадника. Удар в морду коня, как не жалко бедное животное... защита-блок от выпада сенарца... и резкий тычок или в колено, или в незащищённый пах. Грязно? На войне нет чистых и грязных приёмов. Или ты, или тебя. Судят не победителя, а побеждённого, как не прискорбно это признать...

– Лейтенант! – кто-то тряс меня за плечо, – вы ранены?! Лейтенант! Хватит, он уже мёртв!

Боевой транс не отпускал. Адреналин вплёскивался в кровь и я, не замечая, что рукав в крови, продолжал вонзать длинный штык в тело сенарца. Ещё один удар и штык соскальзывает от металла, и вонзается в мёрзлую землю.

«Надо уходить! – кричит сознание, понимая, что дальше оставаться на одном месте – гибель для всех».

– Гвардия!!! – кричу, и не узнаю свой голос. Он, раскатистым громом разносится над полем боя. – Оружие, боеприпасы и личные вещи с собой, остальное бросить и за мной!..

Ломились через лес, сбиваясь с направления, запутывали следы, но оторвались от преследования. Только вечером я приказал сделать долгий привал и разрешил развести огонь:

– Позови капрала, я его видел, – приказал взявшему на себя роль ординарца гвардейцу Черсину.

– Сколько уцелело? – оглядывая сидевших на холодной земле, прислонившихся к дереву, едва державшихся на ногах гвардейцев.

– Тридцать восемь, господин лейтенант. Пятеро, кто также ушёл, скончались от ран. Я распорядился их похоронить.

«Тридцать восемь человек уцелело! Едва половина от вступивших в бой!».

– Распорядись проверить, что у кого осталось. Еда, оружие, порох, пули. Всё в один котёл. Возьми мой мешок. Выставь охранение...

– Охранение выставлено, – тут же отрапортовал лейб-капрал, – дальше не пойдём?

– Переночуем здесь. Оборудуй временный лагерь. Отдохнём немного. Глубоко в лес ушли. Даже сам не знаю, куда нас занесло. Надо перевести дух, залечить раны. Завтра подумаем, что делать дальше, – говорил резкими, рубленными фразами. Последние часы бега с препятствиями по пересечённой местности я совсем не помнил. Шёл на морально-волевых, понимая, что чем глубже заберёмся в лес, тем лучше для нас. Противник, не зная местности,

не полезет нас искать, хоть и шуму наделали знатно и разозлили раненого зверя. Но и мы заблудились. Изредка я разворачивал карту, но не видел ни одного знакомого или более-менее внятного ориентира. Просто вёл уцелевших людей за собой, дальше и дальше вглубь леса, а лес не заканчивался.

Бурелом и густые кроны деревьев шумели в вышине, заслоняя своими ветвями лучи солнечного света. Только после того, как несколько раз споткнулся, а руки верного солдата меня подняли во второй раз, я понял, что всем нужна передышка.

– Слушаюсь. Вас бы самого перевязать, а то повязка, вон, какая мокрая. Кровоточит.

– Есть кто, пусть перевяжет, – ответил, проваливаясь в забытьё...

Пришёл в себя от резкой, пронзительной боли. Хотел закричать, но что-то твёрдое было во рту, и крик потонул в глухом мычании. Запах палёной плоти ни с чем не спутать, а противное шипение от соприкосновения раскалённого металла с плотью, мне снилось долгие годы. Я извивался, пытался кричать, но меня крепко держали. Темнота, что открой глаза, что закрой. Но главное – я над собой не видел неба.

Глава 6

Сознание изредка прояснялось и я, стараясь не выдать себя, осторожно изучал окружающую обстановку. Прислушивался. Чуть приоткрывал глаза, осматриваясь, но всё больше приходил к выводу, что лежу в какой-то избе или сарае и у меня сильно болит плечо. Каждое движение, каждое шевеление доставляло невыносимую боль, что мои потуги понять, где нахожусь и что со мной случилось, терпели неудачу, и я вновь проваливался в забытьё.

Помню, что меня кормили чем-то тёплым, помню, что обтирали влажной тряпицей, но понять кто рядом: враги или свои, я был не в силах. Мне, то казалось, что я дома и мама ухаживает за мной. Было такое, когда я ещё лет десяти от роду заболел воспалением лёгких, отец отвёз меня в районную больницу, и мама день и ночь не отходила от меня, выхаживая. То я блуждал по своему воспалённому сознанию: мне казалось, что вокруг меня тёмные силуэты, и они хотят меня забрать с собой, но какая-то тонкая нить, вытянувшись в струну, держала меня, едва не разорвавшись от натуги.

В один из дней, когда я, весь мокрый от липкого пота, вновь ожидая приступа боли, попробовал пошевелиться, до меня, сквозь туман, донёлся знакомый голос:

– Совсем плох лейтенант, может лекаря найти? – я обрадовался, что слышу знакомую речь! Нет, к сожалению не русскую, но услышать канторийское наречие в этой ситуации лучше, чем сенарский говор.

– Искали уже. Едва ноги унесли.

– Смотри, шевелится.

– Силён. Нечего сказать. Командир! Ты меня слышишь? Понимаешь? Если понимаешь, кивни или моргни, – надо мной склонилось бородатое лицо, и я невольно отшатнулся.

– Не понимает он тебя. Сколько раз так открывал глаза, думали, что пришёл в себя, но нет. Не...

– Пи-ить! – прошептал, собрав все, что было силы.

– Воды! Нет! Лучше бульона, подогрейте немного, но не сильно горячо!!! Быстрее, быстрее гвардеец, вроде, командир в себя пришёл!

Сделав пару глотков наваристого бульона, откинулся на тюфяк заменявший подушку.

– Где мы? В плену? – спросил, осматривая тёмное помещение, куда через совсем маленькое окно едва проникал дневной свет.

– Никак нет, господин лейтенант! – ответил улыбающийся лейб-капрал Прокс. – Вам бы отдохнуть. Поспать нормально.

– Успею, давай, докладывай, что произошло. Ничего не помню.

– Куда упомнить-то, в бреду целых две недели пробыли, – выдохнул Черсин.

– Рассказывайте, что произошло.

– Когда остановились на ночлег, вы, господин лейтенант, упали в беспамятстве. Я приказал отыскать поляну или место для лагеря, чтоб не посреди густого леса. Так, в пяти километрах на север, нашли охотничий домик. Перенесли вас сюда, не беспокойтесь, охранение сразу выставил, проверили тут всё вокруг. Где надо секреты поставили. Никто мимо не проходил. Но вам становилось всё хуже и хуже. Жар был у вас сильный. Видимо, в рану попала зараза, что сразу не перевязали. Вы уж извините, пришлось дурную кровь выгонять, да железом прижигать. Потом ещё пять суток в беспамятстве пробыли, иногда приходили в себя, кое-как ели и опять в беспамятство. Я уж думал, не выкарабкаетесь. Слабы вы больно были. Но хорошо, теперь точно на поправку пойдёте!

– С людьми что?

– Тридцать восемь человек, все живы и здоровы. Я их разделил, кого на охоту определил, кого в охранение. Не волнуйтесь. Еды в лесу много. И зайцы, и косулю одну подстрелили. Так что с голоду не помрём.

– Сенарцы где?

– Так нет их здесь!

– Где здесь? Где мы находимся, какой ближайший населённый пункт?

– Ты, господин лейб-капрал, всё рассказывай, не утаивай, – вмешался в разговор Черсин.

– Так и говорю, в лесу мы в охотничьем домике... – даже я уловил, что Прокс хотел соврать, но набрался сил и продолжил, – когда вам совсем плохо стало, думали, что кровопускание не помогло, послал я гвардейцев посмотреть, разведать окрестности. Может лекаря удастся, где отыскать, но не нашли. В дневном переходе на северо-запад крупный город. Думаю, что это Саринта.

– По карте смотрел?

– Так, вышли мы за пределы карты. Нет того места, где находимся. Западнее ушли.

– Что там произошло, все вернулись? Сколько там неприятеля?

– Неприятеля много, господин лейтенант, – вновь заговорил Черсин. – Очень много. Повезло, что сначала осмотреться решили. А там, разъезд за разъездом: то пеший, то конный. И сосчитать не смогли.

– Местных не встречали? Они что рассказывают?

– Попадались одиночные сани, но побоялись выходить, а в Саринту не пробраться. Слишком охрана хорошая. У въезда целая рота охранения и это только то, что издали разглядели.

– От Лисовны Саринта далеко? – чтоб хоть как-то сориентироваться, задавал вопросы. Голова постепенно перестала болеть, и мысли прояснились. Теперь понятно, что мне в бреду казалось: это и ухаживание гвардейца Черсина, и когда чистили мою рану, прижигая огнём, и непонятные тёмные силуэты окружающие меня.

– Четыре, может пять дней пути. Мы на запад сильно ушли.

«Значит, забрались в самый тыл», – думал я, прикрыв глаза.

Видя, что разговоры меня сильно утомили, мне дали ещё немного бульона и настойчиво рекомендовали поспать, но сон не шёл. Я лежал с закрытыми глазами и размышлял: «Целых две недели прошло, как обосновались в глубоком тылу. В штабе, наверно, с ума сходят, что нет ни известий, ни каких других признаков действия группы. Интересно, дошли отправленные в тыл гвардейцы или нет? Доставил ординарец донесение, и передали ценного пленного сенарца? Хоть бы как весточку подать, что живы, но не до этого. Надо выбираться. Укреплённый город нам не по зубам. Сгинем и толком ничего не сделаем, да и углубляться в тыл противника нерезонно. Как потом выбираться будем?! Значит, остаётся только одно – на восток. Обрато к линии фронта. Но где эта линия фронта? Может за эти недели она продвинулась к самой столице, а я тут лежу, прохлаждаюсь, не зная, что делать. Хотя, вряд ли. Зимой военные действия, а особенно крупные манёвры затруднены погодой. Это не на грузовиках ехать, а пешим, конным маршем преодолевать сотни километров. Не думаю, что кардинально сменилось расположение войск. Тогда остаётся придерживаться намеченного плана. Первый этап выполнен – мост через Пенху уничтожен. Второй пункт как раз склады, расположенные в Лисовне. Если гвардейцы не ошиблись, то до них примерно пять-шесть дней пути. Так что надо готовиться к выступлению, а то тут всю войну пролежу. Герой, понимаете ли! Как ранили, так сразу на полати, спать. Ладно. Попробую завтра встать. Не нога ж ранена, а рука. Почему ходить-то не могу? Да, слаб. За две недели лежания мышцы отвыкли и начали атрофироваться, но это дело поправимое»...

– Господин лейтенант, вы б лежали! – под неодобрительное ворчание гвардейца я встал с кровати.

– Одежду принеси! – прикрикнул не столько на гвардейца, а на себя. Слишком оказался слаб. Голова кружилась, а когда доковылял до поставленного на полке небольшого зеркала, так совсем потерял дар речи. Из небольшого кругляшка на меня смотрел чужой человек. Осунувшееся лицо, впалые щёки, заросший, с многодневной щетиной... только и узнал себя по глазам. Они сохранили узнаваемость, но приобрели пронзительный, холодный взгляд. Тут же добавил:

– И воды, чтоб умыться и побриться!

На большее меня в этот раз не хватило. Упал на скамью возле стола и дрожащими от напряжения руками орудовал ложкой. Мясная похлёбка оказалась наваристая, с большими разварившимися кусками мяса, как понял – зайчатина. Съев половину, отодвинул в сторону. Не стоит нагружать желудок, пусть привыкнет к пище. А то, сколько на диете из воды и бульоне сидел.

– Черсин, пригласи лейб-капрала.

– Вы б доели. Не волнуйтесь, на всех еды хватает. Не голодаем. Даже запас вяленого мяса сделали, так на всякий случай. Ведь, понимаю, скоро в поход собираться будем. Вот окрепните, так и пойдём проклятых сенарцев бить!

– Об этом и хочу поговорить с ним. Где он?

– Секреты пошёл проверять. Скоро вернётся.

– Хорошо, где карта? Я пока посмотри, подумаю.

– Вот она. Её лейб-капрал пару раз брал, чтоб значит понять, где находимся, но и всем миром не смогли.

«Понятно, местных, из этих краёв – никого. Далеко ж забрались. Хотя, может это и к лучшему. В таком глубоком тылу нас точно искать не будут».

Я разложил поданную карту на столе и углубился в изучение. Выходило, что нам надо возвращаться на юго-восток. Но какой дорогой, через какие населённые пункты, и вообще, я не понимал, как мы так далеко забрались.

Вошёл Прокс:

– Звали, господин лейтенант?

– Звал, присаживайся. Подумаем вместе, что дальше делать. Сколько продуктов осталось, боеприпасов? Как обмундирование, исправно?

К вопросам капрал оказался готов и отвечал чётко, обстоятельно, делая акцент, что с обувью проблемы. Я сначала не понял, почему он пятый раз говорит, что изнасилась обувь, но потом не выдержал и позвал пару гвардейцев из тех, кто были свободны от работ.

«М-да», – рассматривая то, что называлось обувью, качал головой. Я даже не смог подобрать слов, чтобы описать то, чем стали солдатские ботинки. Подмётка оторвана, обмотана верёвкой и проложена тонкими прутиками. С такой обувью далеко не уйдёшь. Ноги мигом промокнули и мало того, и сотрёшь за первый километр до кровавых мозолей.

– У всех так? – отправив гвардейцев, обратился к лейб-капралу.

– У четверти состава. Но и у остальных не намного лучше. Кто ходит в дозор и на охоту, я приказал после смены меняться обувью. Больше никакой нет и найти негде. Даже сплести чуни не можем, не сезон, материала нет. Хотя люди опытные есть, могут сделать.

– Собери мерки со всех, даже у тех, у кого более менее хорошая. И себя не забудь.

– Это дело нехитрое.

– Вот и хорошо. Через пару дней пойдём обувь добывать. Сам говорил, разъезды каждые полчаса ходят. Так что у сенарцев возьмём.

– Так их всего двое, редко трое ходят. А нам почти на сорок человек надо.

«Проблема! Как же не подумал, – сокрушался я, делая поправку на перенесённую болезнь. – И тем более в серьёзное боестолкновение ввязываться не стоит, хоть и боеприпасов осталось достаточно, но, сколько нам ещё пробиваться к своим, и задача не выполнена»...

Целых три дня я занимался, истязая свой организм, восстанавливая физическую форму и всё это время думал, что делать дальше. Идти по тылам с разутыми солдатами, так в первом же бою или кто ногу подвернёт, или из-за никудышной экипировки не выполнит задание и тем самым всех подведёт.

– Вы б отдохнули, господин лейтенант, а-то, как истязаете себя, – неодобрительно следя за моими занятиями, изредка ворчал гвардеец Черсин.

– Уходить отсюда надо, а для этого нужно восстановиться, – ответил, продолжая отжиматься. – Лучше скажи, где раздобыть обувь? – спросил, не надеясь на ответ.

– Так на базаре, ил в сапожной лавке, где ж ещё?!

От очевидных слов я замер в положении: «Раз!». Ведь верно говорит гвардеец. Вот только мы в тылу, кто ж нам продаст или выменяет столько обуви разного размера и главное – на что? Денег-то нет. Хотя, может у меня в личных вещах и завалялось немного, но не думаю, что этого на всех хватит. И понятно, что попадаться сенарцам нам нельзя, и одновременно местным особо показываться тоже, но...

– Позови капрала! И вещи мои принеси, – мысль подкинутая гвардейцем казалась мне не столь утопической, но выслушав сформировавшуюся быстро идею, Прокс неодобрительно покачал головой:

– Господин лейтенант, не отпущу я вас. Да, все мерки собрал, но куда ж вы один? И потом как назад? Да ещё с грузом! Это вам не одну пару сапог нести, а три дюжины!

– Верно, подметил. Так что пойду не один, а с глухонемым сопровождающим. Черсин! Пойдёшь со мной?

– Я не глухонемой, – отозвался гвардеец.

– А придётся стать на время и глухим, и немым.

– Хорошо, что не слепым, – тихо буркнул гвардеец, но я его услышал. Как потом узнал, ходили местные суеверия, что изображать неполноценного – это накликать на себя беду.

– Не слепым, а глухонемым, что б ты не сболтнул своим гóвором, что лишнее. Прокс, где ближайшая дорога, чтобы можно подводу какую раздобыть. Желательно, чтоб и с одеждой гражданской.

– Дорога одна. Полдня пути напрямки через лес. По ней как раз и разьезды ходят, а дальше только Саринта.

– Вот и хорошо. Выставь там секрет на дороге, чтобы захватили, кто поедет в город без охранения, и чтоб не один желательно был, а со слугой или возниким. Если больше трёх, не нападайте. Секрет выставь сейчас, и потом гонца ко мне. Хотя. Завтра с Черсиным пойдём вместе, чтобы время зря не терять. Не думаю, что там столько много без охраны шастает, если только местные. Так, что не убивать! Доставить сюда и держать как дорогих гостей.

Лейб-капрал отказался перепоручать важное дело и лично ушёл с пятью гвардейцами организовывать засаду.

«Ничего, – думал, – денёк, другой потерпят. А если не удастся, кого за этот срок взять, то придётся пешим маршем топать. Вот только, что тогда с одеждой делать? В форме гвардейца канторийской армии входить в город, да ещё который под бдительной охраной – самоубийство».

– Черсин, что там с моими вещами?

– Всё в целостности и сохранности, что только с саней забрали, всё сохранил.

Открыл походный мешок и вывалил содержимое на стол. За эти дни я окреп и, по-моему, стал поправляться. Так что небольшая вылазка не помешает. Теперь найти бы что, для продажи или обмена.

– Сколько стоит обувь? – спросил, разбирая вещи.

– Добротная, скроенная по ноге, ещё разношенная, то может и целую лиру стоить, – задумчиво произнёс гвардеец.

Я чуть не поперхнулся. Золотая монета самого крупного номинала и это за зимние сапоги?! Зря всё-таки понадеялся, что из скудных своих вещей наберу что-то ценное.

– Но это энцы в таких ходят. Я только раз видел такую, с мехом обувь. А простая, чтоб не промокала, да тепло было ногам, как у нас, то полкентария – красная цена. Если поторговаться, то и за пару тариев можно купить.

Вот это уже ближе к цели. Кентарий – серебряная монета. Двенадцать таких монет равны лире. Тарий – медная монета, двенадцать таких монет равны кентарию. Не знаю почему, но здесь принята двенадцатеричная система исчислений. Вроде она более приспособлена для математических расчётов и удобна в использовании.

– Вы что-то ищите, господин лейтенант? – смотря, как я роюсь в скудных пожитках, спросил верный гвардеец.

– Нужны деньги, чтобы купить обувь. Но я не знаю, что тут можно продать из моих вещей, чтобы не вызвать подозрения. Как понимаю, канторийские лиры не в ходу, да и мало их у меня. Всего одна лира, да пара кентариев.

– Этого вполне хватит.

После этих слов я застыл, а ведь верно, если посчитать, то одна лира равна двенадцати кентариям и ста сорока четырём тариям. А нам всего надо: если, пусть по три тария одна пара, то выходит, тридцать пять пар – у меня и ещё у двоих обувь нормальная, будет стоить сто пять тариев!

– Хм. Хорошо считаешь.

– Так не зря умеющих считать и писать отбирали.

– Ладно. Завтра поутру выходим. Надо отдохнуть.

– Может ещё шкурки зайцев взять с собой? Пригодятся. Их немного, десятка два всего наберётся. Все выделаны, высушены. Конечно, грубая работа, но сойдёт. И можно сказать, если остановят, что пушнину продавать приехали. Охотники мы, с дальнего какого села.

– Хорошо придумал. Но ты всё равно глухонемой. Твой гóвор очень выделяется среди остальных.

– Как скажите. Тогда я подготовлю, что с собой нести.

– Подготовь.

Не успел Черсин выйти, как тут же вернулся:

– Господин лейтенант! Взяли подводу с тремя местными. Их привели сюда, а сани спрятали в лесу!

В сопровождении гвардейцев в избу вошли трое мужчин со связанными руками.

– Что ж вы так-то, господин офицер?! Прикажіте развязать! Всё равно порву ж верёвки, не удержите.

Глава 7

– Хорошо, уговорил, – короткий рассказ пленных меня не впечатлил, но мысль они подали здравую. Эти трое: отец и два сына из рода Томлисов, оказались жителями небольшой станицы, что на юго-западе от Саринты. Их староста отправил продать пушнину, закупить соли и других недостающих товаров, запас которых из-за летней военной кампании не успели обновить. – Я пойду с вами, но твой младший сын останется здесь.

– Не доверяешь, господин офицер?!

– Доверяю, но вы отбыли трое, значит и должны прибыть в город трое. Если кто из ваших тоже в Саринте?

– Никого там нет. Только нас отрядили, всем миром. Летом до нас ни один торговый караван не дошёл, ни один купец какой, даже ярмарка не состоялась. Все дороги заполнили солдаты: то наши уходили, то потом сенарцы шли. Так и остались без самого необходимого. Даже наш энц бежал, что забыл налоги собрать... – пленный осёкся, а я ухмыльнулся. Вот значит, на какие деньги они снарядили хоть и небольшой, но обоз и куда, в город, да зимой!!!

– Не волнуйся, Занор. О том, что про налоги забыли, я не скажу, а вашему энцу, так сами потом придумаете, что говорить. Так что, я иду с вами.

Нехотя Занор кивнул и подал знак одному из сыновей. Тот встал со скамьи, где сидел весь наш разговор.

– Это младший мой – Вáлис. Он останется. Поможет вам, чем сможет. Там ловушки расставить, шкуры обработать. А то смотрю – грубо сделано, у меня б такие, и не купил никто. Если только на подмётки.

После таких слов Черсин встрепенулся, и было хотел наброситься на мирного торговца, но я его опередил:

– Понимаю тебя, Занор. Но не суди строго, – говорил, дав знак верному гвардейцу сесть на место. – У нас и инструментов толком не было, и сам понимаешь, люди мы военные, хоть и обучены многому, но своё дело каждый лучше знает.

Занор удовлетворённо кивнул.

Затягивать с выступлением не стал. Хоть и вечерело, но время терять не надо. Как раз может ночью проехать в город будет легче, не так сильно будут допытываться, кто мы и откуда. Конечно, сохранялась опасность, что ночью нас совсем не пустят, из-за этого и торопились, чтобы добраться до стен не глубокой ночью.

Переодевшись в одежду младшего сына, я с трудом отбил от причитаний верного гвардейца, что иду один, без него. Он соглашался стать и глухим, и немым, и слепым, лишь бы взял и его с собой. Но мой строгий взгляд охолодил пыл гвардейца Черсина. Только Прокс продолжал смотреть на меня укоризненно и тихо бурчал себе под нос о том, что негоже офицеру идти одному к врагу. Но перепоручать важную миссию я никому не решился. Зная язык, имея хорошую память, я больше смогу приметить, находясь среди сенарцев, чем кто из моих гвардейцев.

Ехали молча. О проблеме, с которой приходится пробираться в город, Занора я уведомил и тот обещал помочь, сославшись, если кто спросит, что на всю станицу дан указ старостой купить обувь, а что только мужской, так износилась.

Мы едва успели пройти быстрый досмотр и после небольшой мзды, нас пропустили в город, как ворота затворились.

– Успели! Доехали, господин, – выдохнул вспотевший Занор. Я боялся, что пока повозку досматривали и нас расспрашивали, его инфаркт хватит. Он так сильно покраснелся, что только и мог, что глотать ртом воздух, словно выброшенная на лёд рыба. Пришлось отвечать на расспросы мне. На какие вопросы не знал ответов, помогал старший сын Занора – Михсо.

Тот бодро рассказывал, что находится в повозке, для чего так много всего с собой взяли и почему прибыли ночью.

– Тут постоянный двор неподалёку. Не знаю, впустят ли нас, но не посреди площади же ночевать.

«Здравая мысль, отпустило беднягу», – ухмыльнулся, подав знак, соглашаясь с предложением Занора.

Я не выглядел на сына, а тем более на младшего из рода Томлисов, но придуманная легенда, что являюсь счетоводом станицы и направлен старостой не допустить излишних трат, показалась не только мне, но и остальным убедительной.

Подъехали к постоянному двору: огороженный со всех сторон массивным деревянным забором добротный деревянный дом в два этажа с пристройками, но ворота оказались закрыты. Мы уже отчаялись, что придётся ночевать посреди торговой площади, как ворота заскрипели и отворились. Выехала пара верховых, видимо, ночной патруль сенарцев. Хотели тихо развернуться и быстрее удалиться, но нас окликнули:

– Эй! Кто там ещё?

– По делам торговым, издалека! – выкрикнул продрогший на холоде Михсо.

– Заезжай. Сейчас работника пришлю, чтоб определил лошадей на постой.

В доме оказалось многолюдно. За каждым столом, чуть ли не на каждой лавке, сидели люди. В тусклом освещении сразу бросилось в глаза, что все они в форме сенарской армии. Занор впал в ступор и меня, если честно, тоже покорило от обилия военных, но подошедший служка пояснил:

– Проходите, почти все комнаты свободны. Постояльцев нет. Если хотите откусать, то слева в углу один стол свободен.

– А... – только и протянул Занор. Не думал, что такой крупный, с виду сильный мужчина будет впадать в ступор в экстренных ситуациях. Но здесь не в телосложении дело, а в характере. Что с него взять? Мирный человек. Всю жизнь только и знает, что работает, выполняет волю энца или старосты. Я, если на чистоту, поняв его характер, сильно удивился, как староста отправил такого добродушного, неспособного к принятию в экстремальной ситуации быстрых решений человека с такой важной миссией? Может, выбора не было?

– Не волнуйтесь. Нам разрешили принимать постояльцев, конечно, не столько, как раньше, но всё-таки. Оставили всего пять комнат и все они пусты, остальные заняты, – служка покосился на сенарцев, – но и эти пять комнат постоянно пустуют. Очень мало приезжих, так что, располагайтесь. Сколько комнат подготовить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.